

LE MESSAGER
TRIMESTRIEL

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ПАРИЖ—НЬЮ-ИОРК

№ 78

III . 1965

périodique de l'Action Chrétienne des Etudiants Russes

Редакционная коллегия:

Франция: К. А. Ельчанинов, В. А. Водов, проф. прот. Алексей Князев,
И. В. Морозов, свящ. Петр Струве, Н. А. Струве.
Америка: Епископ Сильвестр Монреальский и всея Канады, проф. прот.
Александр Шмеман, проф. прот. Иоанн Мейендорф, М. Гизетти, О. Раевская
Секретарь Редакционной коллегии: И. В. Морозов.
91, rue Olivier de Serres, Paris 15e. Tél. : BLO. 53-66

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы, связанные с применением нового стиля в церковном календаре — Н. Осоргин	
“Встань и ходи” — прот. А. Семенов Тянь-Шанский	5
Библейский универсализм — свящ. Г. Сериков	8
Альберт Швейтцер — проф. В. Вейдле	16
Альберт Швейтцер — врач, богослов, философ, писатель, музыковед, органист-виртуоз (1875-1965) — проф. В. Н. Ильин	18
Памяти монахини Марии (Скобцовой) — Н. А. Бердяев	21
Борьба за свободу духа в Советском Союзе — М. Н. Энден	24
НА РЕЛИГИОЗНОМ ФРОНТЕ:	
1. — Мученическая кончина прот. К. Карчевского	31
2. — Исповедничество одной студентки	32
Свидетельство очевидца — А. Р.	33
ГОЛОС ИЗ РОССИИ:	
Стихи А. Надеждиной	37
БИБЛИОГРАФИЯ	
“С нами Бог” — С. Л. Франк — С. П. Жаба	46
Митрополит Владимир — Свяtitель-Молитвенник — прот. А. Семенов Тянь-Шанский	48
О новом бельгийском (униатском) Издании Евангелия в русском переводе с параллельными текстами и приложениями — свящ. Г. Сериков	51
ХРОНИКА	
Останки первоапостола Петра — Н. А. Купфер	55
“Лолова” — паломничество по островам Великого океана — проф. Н. М. Зернов	56
Паломничество — поездка на Средний Восток — А. Краевич	60
Летний лагерь Р.С.Х.Д.	63
Присуждение почетных ученых степеней о. Георгию Флоровскому	64

Подписная плата на год: 12 фр. С целью поддержки: 20 фр.; 50 фр.

Во Франции подписную плату просим вносить только на почтовый счет РСХД:

C.C.P. Paris 2441-04. Action Chrétienne des Etudiants Russes,
91, rue Olivier de Serres, Paris-15e.

4 numéros par an. Abonnement annuel: 12 F. Prix du N° 3 F.

Adresse de la Rédaction: Action Chrétienne des Etudiants Russes,
91, rue Olivier de Serres, Paris-15e, France.

“РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ”

Н. РАДИШЕВСКАЯ А. 2

ИВВ 641

ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ НОВОГО СТИЛЯ
В ЦЕРКОВНОМ КАЛЕНДАРЕ

На Западе главным церковным праздником является Рождество Христово; в православной Церкви — по силе своей торжественности — этот праздник вовсе не уступает западной традиции. Однако, в православной литургике, «Пасха. Праздник триндневный» рассматривается в свете еще более важного праздника: — «Торжества торжеств и праздников Праздника», т. е. Великой и Святой Пасхи, которая стоит в центре годового литургического «круга». Литургически рассуждая, церковный год начинается на Пасху (1-е сентября является новолетием гражданским, которое Церковь благословляет соответствующими молитвами), от которой берут свое начало все циклы чередования гласов по Октоиху, воскресных утренних евангелий с их светильными и стихирами, а также начинается ряд апостольских и евангельских чтений за литургией на весь церковный год. Это, образно выражаясь, своего рода канва, исходящая от Пасхи, на фоне которой вырисовывается весь литургический круг.

Если, для примера, взять какой-либо воскресный день в году, то как глас Октоиха, как на утрени Евангелие с соответствующим светильным и стихирой, так и апостольское и евангельское чтение на литургии определяются пасхальными сроками данного года.

Как известно, пасхальные сроки определяются по лунному календарю, который короче солнечного (обычного) на 11 дней, что является причиной того, что Пасха праздник подвижной, т. е. не всегда празднуется в одно и то же число месяца солнечного календаря. Исходя из данных «Пасхалии» (таблицы расчетов пасхальных сроков), составленной в IV веке (между 284 и 322 гг.) александрийскими мудрецами и принятой Вселенской Церковью, можно сказать, что Пасху следует праздновать в первое воскресенье (или в следующее за ним, в случае совпадения с еврейской Пасхой) после полнолуния, случившегося не ранее весеннего равноденствия, которое фиксировано в «Пасхалии» на 21 марта. (Мы не касаемся вопроса происхождения понятия «равноденствия» как пасхальной границы; ограничимся утверждением того, что в «Пасхалию» он был введен в IV веке и Церковью принят*).

*) Расчеты лунных циклов в Александрийской Пасхалии тесно связаны с солнечным Юлианским календарем и расходятся с ним не более чем на полчаса в тысячелетие.

Что касается вопроса о календарном стиле (старый стиль — Юлианский календарь, новый стиль — Григорианский календарь), то многими неверно принято считать будто это касается исключительно неподвижного круга церковного года, т. е. тех празднований, которые совершаются в определенное число месяца солнечного календаря, а что подвижной круг во главе с Пасхой, зависящий от лунного календаря, тем самым не имеет отношения к тому или иному стилю.

О лунном календаре можно говорить только в связи с той или иной системой солнечного календаря. Например: если речь идет о какой-то известной лунной фазе, то ее сроки выражаются числом месяца определенного солнечного календаря, либо нового, либо старого стиля. Отсюда ясно, что если оба «стиля» определяют одну и ту же лунную фазу, в частности мартовское полнолуние, то, если оно случится в период, соответствующий в новом стиле срокам между 21-м марта и 2-м апреля, такое полнолуние, на основании принципа «Пасхалии», является **пасхальным** (см. выше); по старому же стилю, сроки того же самого полнолуния будут соответствовать периоду от 8-го по 20-е марта, и, следовательно, оно не может считаться пасхальным (в подобном случае, промежуток времени между Пасхой западной и восточной равняется пяти неделям). Отсюда можно заключить, что подвижной круг (лунный календарь) и неподвижный (солнечный) неразрывно связаны в одной и той же календарной системе; и что признание неправильности одной солнечной календарной системы для неподвижного круга влечет за собой и признание неправильности пасхальных расчетов («Пасхалии»), выраженной в системе того же солнечного календаря.

В настоящее время в православной Церкви существует три разных способа разрешения календарного вопроса:

1) Сохранение старого стиля (Юлианского календаря) как для неподвижного, так и для подвижного круга литургического года (Иерусалимская, Болгарская, Сербская и Русская церкви, а также Афонские монастыри, кроме одного, Ново-Валаамский монастырь и все церковные группировки, находящиеся в эмиграции).

2) Сохранение старого стиля только для подвижного круга с введением нового стиля для неподвижного круга (Антиохийская, Александрийская и Константинопольская патриархии, а также Элладская церковь).

3) Введение нового стиля для обоих кругов (Финская и Польская церкви).

Первая практика, т. е. сохранение Юлианского календаря для обоих кругов расходится с реальным солнечным течением на 13

дней, т. е. фактическое равноденствие в настоящее время соответствует в этом календаре числу 8-го марта (в прошлом веке это было 9-го марта, а с 2100-го года это будет 7-го марта). Однако, эта неточность вовсе не нарушает внутреннюю связь всего литургического строя, во главе которого стоит Пасха. Это расхождение с истинным солнечным течением устраняется 3-ей практикой — введением нового стиля для обоих кругов, что никоим образом не отражается на внутренней структуре вышеупомянутого литургического строя. Но в этом случае существующая «Пасхалия» признается ошибочной, и тогда возникает вопрос о принятии новой системы пасхальных расчетов.

Что же касается второй практики, то она — хотя внешне и может показаться вполне приемлемой (неподвижный круг переносится на 13 дней вперед, а Пасха, как праздник подвижной, продолжает следовать движениям старой системы) — на самом деле вносит в литургический строй не только беспорядок, но иногда даже может создать и недопустимые положения. Так, например, 25 марта — Благовещение Пресв. Богородицы (по нов. ст.), предположим, что оно совпадает с полнолунием, которое в таком случае является **пасхальным** (не ранее 21-III) и тогда Пасху следует праздновать в ближайшее (или следующее за ним, см. выше) воскресенье; но для Юлианского календаря (сохраняемого для Пасхи) это число не 25-е, но всего лишь 12-е, т. е. полнолуние **не пасхальное**. Отсюда и появляется нарушение внутреннего литургического единства, ради которого необходимо одно и то же число месяца признавать одинаково как (в нашем примере) для Благовещения, так и для Пасхи. Либо это 12 марта (полнолуние не пасхальное, но и Благовещение еще не наступило), либо это день Благовещения и полнолуние пасхальное.

На каком основании в приведенном примере, для праздника, как Благовещение, число определяется по признанному календарю, а для праздника еще гораздо более важного срок определяется по отвергнутому календарю? Тут не стоит говорить о допустимых компромиссах ради какого-то единства — например, единства празднования Пасхи, — ибо этого единства уже нет. А если большинство придет к празднованию Пасхи на Рождество Христово? Как тогда быть? Отметим, что такое положение не возможно при полном сохранении Юлианского календаря (1-ая практика). Неправильность его приведет только к тому, что Пасха в далеком будущем (через более чем 22.000 лет) будет праздноваться зимой, а Рождество летом — но ведь в южном полушарии так оно и есть в настоящее время!

Границы пасхального колебания точно определяются данными астрономии и закрепляются известными числами данного календаря; так, в вышеупомянутой «Пасхалии» известно, что самая

ранняя Пасха может случиться 22 марта, а самая поздняя 25 апреля, или если те же границы определять по отношению к празднику Благовещения, то при самой поздней Пасхе Благовещение случается в четверг на 3-й неделе Поста, а при самой ранней — в среду на Светлой седмице. При введении нового стиля только для неподвижного круга, можно сказать, что ось пасхальных колебаний передвигается на 13 дней назад, т. е. границы этого колебания меняются; тогда передняя граница Благовещения передвинется с четверга 3-й седм. Великого Поста на пятницу 1-ой седм. Великого Поста, что в богослужебных книгах не предвидено, потому что невозможно.

Тогда, естественно, возникнет практический вопрос: как, например, сочетать службу Благовещения со службой пятницы 1-й седм. Великого Поста? Это может оказаться поводом разногласий, споров и т. п., тем более, что, с одной стороны, закрепленная в наших богослужебных книгах церковная традиция службу Благовещения совмещает со службами, например, Страстной Седмицы, но с другой стороны, что касается 1-й седм. Великого Поста, то та же церковная традиция празднование Сретения Господня (такой же Великий праздник, как и Благовещение), в случае его совпадения с 1-й седм. Великого Поста, переносит на предыдущее воскресенье. Кто и как будет решать подобные вопросы? И кто будет исполнять искусственные решения недопустимых положений?

Другой пример, касающийся длительности Петровского Поста, который всегда начинается в понедельник после Недели Всех Святых (1-е Воскресенье после Пятидесятницы) и оканчивается в день памяти свв. апостолов Петра и Павла, 29-го июня. В случае поздней Пасхи, начало Петровского поста может случиться после 29-го июня, т. е. длительность поста становится величиной отрицательной!

Укажем, что подобные ненормальные положения будут случаться каждый раз, когда пасхальные колебания будут выходить из своих границ (полнолуние, по старому стилю, между 8-м и 20-м числами марта), что, в среднем, будет происходить на три года один раз. Но и вне этого выхождения из границ пасхальных колебаний, многие указатели, таблицы и многое другое: Евангельские «столпы», указатель по «ключам границ», многие «марковы главы», приведенные в богослужебных книгах, окажутся неупотребимыми. Возможно, что последнее обстоятельство не многие ощутят, так как, не имея опыта, привыкли доверчиво пользоваться изготовленными на данный год церковными календарями, однако, составители подобных календарей рискуют тяжело пострадать.

Как для решения всякой жизненной проблемы, так и в данном случае следует установить правильную иерархию ценностей преследуемых принципов. Вопрос церковного календаря в настоящее

время волнует большинство по причине отсутствия в настоящей практике единства (во времени) празднования неподвижных праздников с Западной Церковью; но, кроме этого, нельзя забывать и единство (также времени) празднования тех же праздников внутри самой Православной Церкви; и наконец, мы постарались указать на существующее единство в праздновании всех праздников, подвижных и не подвижных (в литургическом отношении), в сложившемся Церковном Предании той же Православной Церкви.

Решение проблемы зависит от того, соблюдение какого единства мы признаем первостепенным. В таких важных вопросах принимать решения временного характера надо считать не целесообразным.

Протоиерей Александр СЕМЕНОВ ТЯН-ШАНСКИЙ

„ВСТАНЬ И ХОДИ“

Счастливы те, кто, услышав голос Божий, познав волю Божию, тотчас стремятся исполнить ее. Это те, кто, услышав веление: «встань, возьми постель твою и ходи» — встали, взяли ложе свое и пошли. Для них кончилась расслабленность, они духовно выздоравливают. Да, чтобы духовно выздороветь, надо встать, двинуться с места.

Если Бог, как учит наша Церковь, неизменяем, это не значит, что Он неподвижен. Напротив, Бог — это движение, подвижность. На современном языке, мы бы сказали — Бог это энергия, динамизм. Нам, во всяком случае, — о чем также учит Церковь — Бог открывается в своих энергиях и, можно сказать, в движении. Это так просто и легко усмотреть в Священном Писании. Дух Святой нисходит в день Пятидесятницы «в виде огненных языков, вдыхании бурнем». И если Он тихо парит в виде голубя над Господом Иисусом при Иордане, то и здесь Он в движении... А Сам Господь Иисус Христос, Сын Божий воплощенный, разве не все время пребывал на земле в движении? Ему не было места, где и голову приклонить. И больных Он исцелял, более всего, проходя. Проходя, увидел он расслабленного и исцелил его. И тотчас двинулся дальше и скрылся, затем вновь нашел его на мгновение, чтобы сказать «Смотри и впредь не грехи, да не будет тебе горше прежнего» — и опять ушел.

Все это так потому, что Бог есть жизнь, а жизнь Его — это любовь. Любящий ищет того, кого любит, преследует и настигает:

Таковы бываем и мы, когда не теряем в себе подобия Божия. А когда теряем его, когда грешим, мы коснеем, застываем, парализуемся, становимся расслабленными, омертвевшими, мертвыми.

Грех есть расслабление. Это может показаться неверным, так как мы постоянно видим, какую энергию проявляют злые люди и преступники, — но их энергия не живая; энергия зла механическая, сухая, мертвая. Злой человек, творящий свое злое дело — это заведенный человек, он действует по-заведенному, он маниак, его динамичность возникает от крайнего расслабления его души, оставшейся во власти темной страсти. Это мнимая энергия, лоно ее — косное сердце.

«Иди и впредь не грехи, как бы не случилось с тобою чего хуже». Это худшее неизбежно случается, если человек закоснеет в своей греховности.

А все начинается с малого, с саможаления, поблажки, лени, с малых дурных привычек и главное — с небрежения к Слову Божию, с боязни откликнуться на него. Надо нам постоянно встряхиваться, вскакивать с той духовной своей постели, к которой мы так легко прирастаем, и идти — все время вперед и вперед. В духовной жизни остановка есть всегда возвращение. Это как лодка, что идет против течения; при малейшей заминке ее относит назад. Так учат наши церковные наставники. Каковы же бывают эти духовные ложа, на которых мы так склонны покоиться и расслабляться? Их бесчисленное множество. Это все наши греховные, полугреховные и четвертьгреховные привычки.

Расслабляющая нас привычка может быть и благообразной. Приточный фарисей, например, привык давать бедным десятую часть своих доходов и два раза в неделю поститься, — но, может быть, слишком привык и вот, ослабел — и не заметил подкравшегося тщеславия. И фарисей этот, конечно уж, чтит субботу. А вот Господь любил нарушать субботу, субботу недолжного упокоения. В субботу чаще всего Господь творил Свои чудеса — это для того, чтобы встряхнуть этих ложно успокоившихся людей. Разрушить то, что для них казалось священным.

На современном мирском языке можно сказать, что Христос то и дело шокировал почтенных людей, чтобы как-нибудь пробудить их, чтобы всем сказать: — «встань и ходи»! Заглянув поглубже в себя самих, мы увидим, что у каждого из нас есть свое собственное субботопоклонство. Что часто, может быть слишком часто, дабы обмануть свою совесть, мы внутреннее дело заменяем внешним, пустым. И нам надо постоянно перетряхивать свои не только дурные, но на первый взгляд хорошие привычки. Может быть, они и были хорошими вчера и позавчера, но теперь нам надо искать уже новые навыки. Некоторые привычки, вернее, навыки сами по себе для нас, конечно, необходимы. Для жизни не-

обходимы рамки, традиция, предание, — но надо всегда опасаться, как бы, оберегая свой прежний опыт, свои навыки, — нам самим не окостенеть. Это одна из самых трудных задач нашей духовной жизни. Как сочетать верность уже достигнутому, обретенному с тем, что надлежит еще обрести, чего надо достигнуть? Надо пустить в оборот свои таланты. В области художественного творчества мы имеем очень наглядный пример — как это удастся или не удастся? Бывают, например, художники, музыканты, живописцы, поэты, которые выразят по-новому нечто новое, а потом продолжают повторять то же самое в бесчисленном варианте. — Другие же, оставаясь самими собою, переплавляют прежде достигнутое во все новые и еще лучшие формы.

Для того чтобы не омертветь в духовной жизни, надо то и дело оставлять свои добрые старые рыбацьи сети или вдруг, как Авраам, идти, снявшись с места — в неизвестную страну, в ту страну, в которую повел и Моисей свой народ, долгим путем, через сухую пустыню. И мы не должны этого бояться. Образом такого странствия в пустыне есть для нас святая сороклетие, когда Церковь учит нас бросить некоторые наши обычные привычки, учит нас встать с того удобного ложа, на котором мы простирались в удобном расслаблении. Для некоторых людей время Великого Поста бывает чем-то большим, чем только образом и символом — для других же бывает вовсе ничем. В день Христова Воскресения Господь принял всех, постившихся и не постившихся. Но Господь все же предупреждает: как бы вновь мы не расслабли, и ко всем обращает свой зов: «встань, возьми постель свою и ходи!». Отнесемся же внимательно к этому зову, примем его в сердце и подумаем сосредоточенно, к чему именно это обязывает каждого из нас!

НАД БИБЛИЕЙ

Свящ. Георгий СЕРИКОВ

БИБЛЕЙСКИЙ УНИВЕРСАЛИЗМ*)

Антропологический универсализм Библии

Часто приходится слышать, что Библия это «еврейская» книга, имеющая местное значение, написанная «pro domo sua» еврейского народа. К этому, очень распространенному мнению даже среди христиан, иногда прибавляют, что Библия имеет «некоторое» значение для новозаветной Церкви, поскольку Христос и апостолы вышли из евреев и ссылаются на нее как на Слово Божие, но что новозаветный универсализм явно не мирится с ветхозаветной замкнутостью и принципиальной обособленностью «Народа Божия».

И действительно, перелистывая страницы Библии, видишь как много там сказано для евреев, применительно к их национальной истории, к их потребностям и для их пользы, как много места уделено обещаниям и надеждам на благополучие Израиля, на его спасение от политических врагов, на его первенство среди народов, на его избранничество, на особую к нему любовь Божию, на особые привилегии ему одному оказанные:

В одном месте Израиль называется «уделом» Божиим, то-есть как бы исключительным местом и владением Божиим, так сказать «удельным ведомством»! (Втор. IV, 20).

Есть страницы Библии, читая которые закрадывается мысль, что другие народы Бог, может быть, совсем и не любит и готов тысячами и сотнями тысяч истреблять людей, если это выгодно для его любимца Израиля. (Исх. 32,28; Числ. 16,49; И. Нав. 8,20; Суд. 8,20; III Царств 18,25-40; Есф. 9,5-16). Есть книги в Библии (книги в несколько десятков глав), где говорится о вещах, имевших интерес лишь для еврейской религиозности, для религиозного еврейского благочестия (Левит). Есть книги, которые не представляют из себя никакого социального и политического интереса, как только для евреев (Есфирь)...

Однако, не отрицая наличия в Библии этого «поместного», так сказать эгоцентрически-локального элемента и считая его даже вполне нормальным и человечески понятным для всякой живой исторической книги (которой отчасти является и Библия), нашей задачей будет указать на те места Библии, которые делают ее книгой, обращенной ко **всем** людям, книгой не только историче-

*) Первую главу о «космическом универсализме» см. «Вестник» № 77 II, — 1965 г. стр. 35-42.

ской, еврейской, но книгой религиозной, Словом Божиим, обращенным ко всему сотворенному Им человечеству.

Одним из свидетельств обращенности Слова Божия ко всем людям являются два библейских эпонима «Адам» (человек) и «Барнаш» (Сын Человеческий) (1).

«Адам» есть имя первого человека, имя той живой неповторимой личности, какой именно ее себе и представляет древняя христианская традиция, поместившая в святцах имя праотца Адама и установившая его память в один из воскресных дней перед Рождеством. Адаму можно служить молебны.

[Нам не место здесь заниматься рассмотрением разных палеонтологических теорий и задумываться над тем, верна ли теория моногенистическая (см. например, о. Василий Зеньковский) или теория полигенистическая (например, Тэйар-де-Шардэн). Нам важно лишь заметить, что Библия есть Слово Божие, есть книга религиозная, Откровение Божие, а не учебник по астрономии, геологии или палеонтологии. Всякий «конкордизм» (т. е. согласование Библии с новейшими научными теориями) ложен по существу и нечестив по отношению к Тому, Кто выше всех человеческих изысканий. Религиозная Истина Библии открывается лишь через **веру** в нее как в Слово Божие.]

Вместе с тем, под Адамом можно понимать не только первого человека, но и первую пару людей, т. е. Адама и Еву. Так, в Быт. 1,27 мы читаем: «И сотворил Бог человека (по-еврейски «Адама») по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их». А в Быт. 5,1-2 говорится, что Бог «благословил их, и нарек им имя «человек» (по-еврейски «Адам») в день сотворения их». Здесь мы видим, что Адамом называется не один человек, а два человека, первая пара людей. Тут нам припоминается известный миф Платона о мужчине и женщине, первоначаль-

1) Эпонимом называется такое слово или имя, которое может быть понято относящимся и к одному лицу и к какому-нибудь коллективу. Так, у древних афинян именем одного из девяти архонтов обозначался год. «Идти войной на **Мамая**» означало у русских воевать с татарами. Лермонтов, говоря, что «Москва, спаленная пожаром, **французу** отдана», имеет в виду не одного француза, а всю Францию. Слова «Мамай» и «француз» суть эпонимы и имеют в виду не одного человека, а целый народ. В Библейской «ягвистической» и «элоистической» традициях такими эпонимами являются имена Авраам, Моав, Израиль, Эдом, Рувим, Ефрем..., которые одновременно подразумевают и человеческие личности и целые общества, племена и народности. Об этом двойном значении библейских имен очень важно заметить в целях православной апологетики. Ибо рационалистическая (а за нею и атеистическая) библейская критика склонна в эпонимах не видеть ничего другого, как только иносказательный, символический смысл, и хочет отрицать всякую конкретную действительность и живые личности истории.

чально созданных как одно целое, и лишь потом разделенных на две половинки и пущенных в мир. Эти две половины до тех пор не успокоятся, пока не найдут одна другую. В Православии андрогинная теория остается неразрешенной, хотя ее и придерживались некоторые отцы Церкви — в частности, свят. Григорий Нисский, — а в наше время этот теологумен разделяет Н. А. Бердяев.

В Библии слово «Адам», кроме того, употребленное с членом, означает иногда человека вообще («человечество»), т. е. является понятием собирательным, коллективным. Так, например, в Быт. 2,5 говорится о том времени, когда на земле не было никакой растительности... и не было «людей» (Адама) для возделывания земли, и дальше повествуется о создании Богом «человека» («эт-ха-Адам», Быт. 2,7), как о всех людях вообще, которые стали умножаться на земле и у которых родились дочери (6,1). А когда люди стали грешить, то Бог сказал: «Не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым «человеками» («Адамами»)» (6,3). В таком же смысле об Адаме как о всечеловеке пишет пророк Михей 5,7.

Из этих примеров видно, что слово Адам является иногда эпонимом «человечества» и имеет общечеловеческое универсальное значение. И нужно сказать, что преимущественно именно в этом смысле должно быть понято то, что говорится про Адама в первых главах книги Бытия. Написанное про Адама относится ко всем людям, а не только к так сказать «ближайшим родственникам» Адама, к тому избранному народу, генеалогические таблицы которого так усердно записывали евреи. Адаму сродни все человечество. Всякий человек в Адаме может узнать себя. Адам есть всечеловек, Человечество, включающее в себя и потомков Каина (Быт. 4) и потомков Сифа (6) и сынов Хама, так же как сынов Сима и Иафета (10).

Сотворив человека («Адама»), Господь сделал его не только садовником, организатором и хранителем Рая, но благословил его и поставил «владыкой» (Быт. 1,28) и средоточием видимого мира («микрокосмом» — «малой вселенной»), т. е. имеющим весь мир в себе, носящим в себе все сотворенное Богом. Больше того, — и это самое ценное — Он наделил человека Своим образом и подобием (Быт. 1,26). Благодаря этому исключительно дару человек только и смог вынести свое особое так сказать медиумическое положение в мире по отношению к Богу и не дезинтегрироваться в ничто от соприкосновения с трансцендентностью Божией («Огнем, Поядающим» Исх. 24,17; Ис. 30,27), подобно предмету, падающему с неба в атмосферу земли.

Только благодаря этому богоподобию и стало возможным впоследствии боговоплощение, сидение одесную Отца, Богочеловека Христа и обожение человека (теозис).

Первые десять глав книги Бытия можно назвать хартией библейского универсализма (как космического, так и антропологического).

В этих главах говорится о человечестве в его целом и нет намеков на какое-либо предпочтение одной расы или народа перед другими. Ап. Павел в ареопаге не преувеличивал, говоря, что «от одной крови Бог произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли» (Де. 17,26; Быт. 10; Быт. 11,1-6). Отвержение и проклятие Богом Каина объясняется исключительно его грехом братоубийства (Быт. 9,6), а Авель почитается святым вовсе не из-за его расы или верования (ведь он жил до заключения Завета Бога с Авраамом и дарования Закона Моисею и был так сказать еще «язычником» (2), но в силу любви Божией. Потопом наказывается человечество («Адам») за общее развращение и грех: «И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время, и раскаялся Господь, что создал «человека» («Адама») на земле (Быт. 6,5-6). Это развращение людей совсем не было результатом непричастности кого-то к «избранному народу», но мотивируется исключительно морально и универсалистически. Спасение Ноя объясняется в Библии **только** его праведностью (Быт. 6,9). Идея Всемирного Потопа, как наказание всех людей за грех, есть идея универсалистическая. И даже если Потоп не был тотальным в смысле географическом, его моральная и религиозная **универсальность** так же бесспорна, как и универсальность апокалиптической катастрофы, когда, по слову Евангелия, «солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются» (Мт. 24,29). В апокалиптической картине всеобщего разрушения «терпение святых, умирающих в Господе» будет противостоять космическим разрушительным силам, подобно святости Ноя, описанной в Бытии.

В универсалистическом смысле об Адаме как о всечеловеке учит ап. Павел в Послании к Коринфянам, противопоставляя первого Адама (т. е. все ветхозаветное падшее человечество) Адаму второму — Христу (1 Кор. 15,45-47) и говоря, что как в первом Адаме **все** умирают, так во Христе **все** оживут.

Тут нужно сказать кстати, что ап. Павел учил также о мистической зависимости мира животного от человека (Адама). Грех человечества отражается на судьбе всего мира (Быт. 6, 7, 12-17). «Вся тварь совокупно ныне стонает и мучится... по воле покорившего ее (человека)» (Рим. 8,20). И подобно тому как Всемирный Потоп и «раскаяние» Божие о сотворении мира было связано с развращением человека, а с праведностью Ноя был связан первый (космический) Завет Бога и Его решение не истреблять больше всякой плоти (Быт. 9,9-16), так и ныне все творение «надеется» через человека избавиться от мучения и стонания и раб-

2) См. об этом книгу Ж. Даниэлу: «Святые язычники Ветхого Завета» на франц. языке.

ства тлению (Рим. 8,19-20). Религиозная космология связывается с религиозной антропологией.

Другой библейский эпоним «Барнаш» (Сын Человеческий), так же как и «Адам» должен быть понят по-разному, и в смысле относящемся к одному лицу, и в смысле собирательном, коллективном.

В первом смысле слова Сын Человеческий есть Мессия, предвиденный пророком Даниилом (7,13-14). Сын Человеческий, (которого видел в видении пророк идущим на облаках к престолу Божию), настолько превосходит общечеловеческие свойства и возможности, наделен такой властью и славой («Его владычество над миром будет вечным и неразрушимым»), что еврейская апокалиптическая и раввинистическая традиция усматривает в этом Барнаше Мессию-Христа (3).

Так же и евангельский «Сын Человеческий» изображается иногда наделенным такими сверхчеловеческими божественными качествами и возможностями, что это вызывает возмущение неверующих во Христа иудеев и их требование Его смерти за «богохульство». И действительно, о «Сыне Человеческом», т. е. о Себе, Спаситель говорит как о сшедшем с Небес и восходящем на Небо и сущем на Небесах «от начала» (Ио. 3,13; 8,25), как о возлюбленном Сыне Отца (Мр. 1,11; Мт. 17,5), Которому дана власть прощать грехи (Мр. 9,6), который есть Господин над Законом («над субботой» Мф. 12,8), Которому надлежит воскреснуть из мертвых (Мт. 16,1; Ио. 12,34) и прийти со славою многою судить мир (Мф. 25,31; Лк. 19,10; Ио. 5,22,27), ибо Он есть Свет миру, Воскресение и Жизнь» (Ио. 6,33; 9,5; 11,25)...

Такого необыкновенного, божественного «Сына Человеческого» видел в своем видении первомученик Стефан (Де. 7,56) и о таком «Сыне Человеческом» говорит тайновидец Иоанн (Апо. 1,13). Этого новозаветного Сына Человеческого, («Барнаша» Библии), в свое время увидят люди сидящим одесную Всемогущего Бога на облаках небесных (Мт. 26,64; Апо. 14,14).

Однако, в Библии наряду с таким исключительным смыслом, который вкладывается в слово «Бен-Адам» (Сын Человеческий), оно означает чаще всего просто человека, всех людей, всех нас. Сын Человеческий есть представитель человеческого рода, безотносительно его расы, национальности, пола или возраста. Также и в Евангелии, кроме того исключительного, персонального, мессианского смысла, который содержится в слове Сын Человеческий, слово это содержит в себе и смысл распространительный, коллективный, общечеловеческий. Христос, кроме того, что он был Бог,

3) Арамейское слово «Барнаш», употребленное у Даниила, есть транскрипция еврейского «бэн-Адам» (бар = бэн, т. е. сын + наш = Адам, т. е. человек).

Второе Лицо Пресвятой Троицы, Он же был и человек, носящий на себе все свойства человеческой природы: Он был сыном своего времени (Лк. 17,23), жил в определенной исторической обстановке (Мр. 6,3), приняв на Себя «зрак раба и по виду став как человек» (Фил. 2,7-8), Он как все люди ел и пил вино (Лк. 7,34), Он принимался людьми не больше, как за обыкновенного пророка (Мф. 16,13), был другом мытарей и грешников (Мф. 11,19) и подобно грешным людям (хотя Сам будучи безгрешен) был людьми не узнан, осужден и распят на Кресте.

Возможно, что библейское наименование «Бэнэ-Адам» (Сын Человеческий) дано людям в их отличие от ангелов «сынов Божиих» («Бэнэ-Элохим»): «Кто на небесах сравнится с Господом? Кто между сынами Божьими уподобится Господу?» (Пс. 88,7): «И был день, когда пришли сыны Божии предстать пред Господом; между ними предстал и сатана» (Иов. 1,6)..., «скажи Мне... Кто положил основание земли... при общем ликовании утренних звезд, когда все сыны Божии восклицали от радости» (Иов. 38,7) и другие места (4).

В Библии общечеловеческие свойства, качества или недостатки, человеческая ограниченность изображаются как свойства «сынов человеческих»: «Как быть правым пред Богом человеку, который есть червь, и сыну человеческому, который есть моль» (Иов. 25,4-6; II Царств. 7,14). О человеческой превратности и непостоянстве в книге Чисел мы читаем: «Бог не человек, чтобы Ему лгать, и не сын человеческий, чтоб Ему изменяться» (Числ. 23,19). В строительстве Вавилонской башни принимали участие все «сыны человеческие», т. е. все люди (Быт. 11,5).

Сердцевидец Бог, согласно Библии, знает помышления всех людей, ибо Ему открыты «сердца всех сынов человеческих» (III Цар. 8,39; Пс. 32,13-14; Пс. 11,2). Несмотря на дефективность и греховность сына человеческого, Бог «помнит» о его царственном положении в мире, посещает его, увенчивает славою и честью и поставляет его владыкою над делами рук Своих (Пс. 8,5-7; Пс. 79,18). Особенно часто обращение к людям как к сыну человеческому наблюдаем мы в сапиенциальной литературе Библии (в книге Иова, в псалмах, в книге Притчей и у позднейших пророков, особенно у Иезекииля, у которого термин Сын Человеческий употреблен несколько десятков раз. Все видения книги Иезекииля обращены к сыну человеческому, т. е. конечно и к самому пророку, сыну Вузия (Иез. 1,3; 2,3; 3,1), но вместе с тем через него к Израилю и ко всем людям, ибо не зря все же Бог называет пророка не просто «сын» или «сын Мой», но «сын человеческий» (Бэн-Адам)! (Иез. 2,3; 3,1; 12,22; 13,1; 28,1; 29,2; 29,19-20; 30,4; 31,26...)). Хотя тут надо сказать, что и библейское выражение

4) но не Быт. 6, 2, где под «сынами Божьими» не могут быть поняты ангелы!

«сын мой», которое мы встречаем в книге Притчей и в книге Прем. Ис. сына Сирахова, и которое есть обращение отца к сыну, явно не относится только лишь к какому-то определенному отцу с его сыном, но должно быть распространено, как и вся ветхозаветная мораль сапиенциальной литературы, на всех людей. То-есть «сын мой» есть, в сущности говоря, иная литературная форма того же понятия, как и «сын человеческий», и не может быть понята лишь в ограничительном смысле. Говоря «сын мой», ветхозаветный мудрец от имени Божественной Художницы Премудрости обращается ко всем без исключения людям к «сынам человеческим» (Притч. 8,4, 30-36) и с отцовской нежностью и близостью делает всевозможные наставления, призывает их к вниманию, к размышлению и разумности (Прит. 2,2-3), к мудрости (4,5-12), к знанию и рассудительности (12,1,23), к послушанию родителям (13,1; 20,20), к милости (3,3), к кротости (15,1), к доброму воспитанию своих детей (23,13-14), к дружелюбию (18,24), к правдивости (4,24; 6,4,6,8; 22,8), к уклонению от дурных сообществ (1,8-19), к целомудрию (5,2-14; 6,32; 6,24-29), к смирению, к любви (6,17-19), к трудолюбию (6,4,6-11) и проч.

Другой вопрос, насколько наставления ветхозаветного мудреца и, в частности, его педагогические методы, окрашенные влиянием эпохи, должны быть в точности применимы в наше время: универсалистический и вневременный характер этих наставлений заключается в обращенности ко всем людям, и наше религиозное общечеловеческое, объективное сознание должно учитывать и выделять вечное, божественное от временного, исторического — этот элементарный подход к Библии как условие *a priori* должно предшествовать нашему здравому изучению Библии вообще.

С большой силой универсализм сказывается в книге Псалмов.

Помимо всего исторического материала этой книги, помимо всего религиозного и политического партикуляризма, который так соблазняет многих в Библии и который невозможно отрицать (5), в псалмах выражена вера в то, что Бог призывает на всех живущих на земле, ибо Он создал сердца всех людей и вникает во все дела их (32, 13-15; 63,7; 143,3;), что Он охраняет всех (35,7) и наблюдает не только за теми, кто уже живет в Боге, но и за теми, кто Его еще ищет (Пс. 52,3). От лица «всех народов» (56,10) псалмопевец прославляет Бога Творца (Пс. 103), выражает свою веру и любовь (107,4) и уверен, что взоры всех людей обращены к Богу, Который дает пищу всему живущему на земле (Пс. 144,15). Религиозный писатель выражает желание, чтобы Бог просветил сознание **всех** людей и чтобы во всех народах восхваляли и прослав-

5) См. многие места о пожелании гибели врагам (Пс. 54,24; 36,20; 3,2... 8,9; 5,9,10,11; 6,11; 7,7; 37,17-23), знаменитое место о вавилонских владенцах (Пс. 136,9) и т. д.

ляли Его Имя (66,3-6; 82,19), а неверие людское он называет «безумием», бессмыслием и невежеством (13,1; 98,8-10) и верит, что рано или поздно все народы, сотворенные Богом, придут и поклонятся Ему (85,9-10). Можно думать, что именно за свой универсализм книга Псалтырь была так органически, по-родственному принята новозаветной Церковью и составляет повсеместно и по сей день существеннейший элемент церковных богослужений во всех христианских конфессиях.

Не меньший дух универсализма сказывается в трех жемчужинах еврейской (и мировой) литературы, какими являются книги Иова, Екклесиаст и Песнь Песней. Содержание этих книг, по меткому выражению А. Камю, принадлежит к «*bien commun de l'humanité*», в них говорится о страдании, о бренности всего земного и о любви. В этих книгах нет почти ничего специфически еврейского (исторического), но все общегуманитарное. Еврейская красота их языка, формы и стиля ничуть не умаляет их общечеловеческой религиозно-философской значимости, подобно тому, как итальянский характер Данте, или английский стиль Шекспира или русская «душа» Достоевского не ограничивают значимости творений Данте, Шекспира или Достоевского пределами Италии, Англии или России.

Содержание книги Иова не вмещается ни в какие исторические или географические рамки. В ней рассматривается проблема о смысле страдания.

Екклесиаст — этот ветхозаветный экзистенциалист — ставит все под сомнение: и смысл жизни, и назначение человека, и «откровения» о нем. «Под солнцем все проходит» по причинам, неизвестным человеку. Книга этого скептика абсолютно универсальна. В ней нет ни слова об избранничестве, о выделении, о «святости» народа Божия (в примитивном значении этого понятия), в ней не говорится ничего ни о заветах с Израилем, ни о спасающихся, ни об «остатке»; она выражает печаль человека, ограничившего свое мировоззрение лишь земным существованием. Вопрос о том, насколько это ограничение односторонне, разрешается в последней главе книги, говорящей о Боге и, таким образом, обессиливающей все «изящно» сказанное до этого о «суете» нашим ветхозаветным «пессимистом»: «Бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом **все** (весь смысл) для человека» (Еккл. 12,13).

В третьей жемчужине Библии — в Песне Песней — описывается роман Суламифи с ее возлюбленным. Ветхозаветная Церковь долго колебалась, не решаясь включить эту книгу (как и Екклесиаста) в канон Священного Писания. И только истолкование ее по аллегорическому методу «спасло» ее положение: лишь согласившись увидеть в женихе Иегову, а в Суламифи Его Невесту-Израиль, раввины позволили этому величайшему литературному шедевру мира войти в сборник священных книг! О Песни Песней

известный раввин Акиба († 135) сказал: «Весь свет не стоит того дня, в который он получил эту книгу. Все писания святы, но Песнь Песней весьма свята!» И христианство, усвоив александрийский аллегорический метод, приняло Песнь Песней как образ любви Жениха-Христа к Его Невесте-Церкви. В этой книге сильнейшее человеческое чувство приводится как образ должествующей связи человека с Богом. Слова Суламифи своему возлюбленному будут вечно звучать в устах всех верующих в Бога и Его любящих: «Положи меня, как печать, на сердце Твое, как перстень на руку Твою; ибо крепка, как смерть, любовь!» (П. П. 8,6).

В. ВЕЙДЛЕ

АЛЬБЕРТ ШВЕЙТЦЕР

Когда умирает девяностолетний старик, не проливают горячих слез на его могиле: к его смерти давно все были готовы. Если же знаменит он, то и некрологи звучат сухо: написаны они были впрок, давно. Но не так это нынче. Этого старика будет кому оплакать — там, в его далекой Ламбарене, в африканских деревнях, чьих жителей полвека он лечил, защищал, просвещал, был им любящим отцом; и теперь эти черные его дети знают, что осиротели. Да и во всем мире — не в одном протестантском мире, где он всего глубже был укоренен, где всего лучше его знали и любили — найдутся люди, для которых кончина его будет горестной. Хоть и стал он еще при жизни чем-то вроде символа или мифа, легендарным во всей простоте своей образом, каким и останется, можно верить, навсегда, а все-таки был он жив, и теперь, когда его нет, стало как-то на свете холоднее.

Слава его, давно сложившаяся, всемирна. И совсем особая это слава, на другие не похожая. Если б любознательный школьник нас спросил, чем именно или в качестве кого он прославился, пришлось бы долго объяснять или, пожалуй, ответить совсем кратко.

- Генерал? Революционер? Премьер-министр?
- Что ты, что ты!
- Как писатель прославился, как ученый, как музыкант?
- Нет. Как человек.

Был ученым, писал, был музыкантом, был врачом, а прославился все же не столько всем этим, даже вместе взятым, сколько жизнью, судьбой своей, которую сам выбрал. Выбором этим прославился. А это и значит, что прославился как человек. Такой славы не было в наше время дано никому другому. Написал много книг, но лучшая — автобиография. Не потому, что лучше других

написана, а потому что — правдиво и просто — не о другом, а об этом самом человеке написана, и о выборе, сделанном им.

Родился Альберт Швейтцер в Эльзасе, принадлежавшем тогда Германии, в семье пастора. С детства знал Евангелие наизусть. Обучаясь богословию, проявил в области критического изучения Нового Завета, еще в студенческие годы, совершенно исключительный талант. Он первый показал в своих вскоре после окончания университета написанных ученых работах, какую огромную роль следует уделять в истолковании новозаветных текстов и всего раннего христианства ожиданию очень скорого второго пришествия Христа. Написал лучшую до сих пор историю научного изучения земной жизни Спасителя. Одновременно с этим стал он подвизаться и на совсем другом поприще: игре на органе; стал первоклассным, иные говорят лучшим в нашем веке органистом, а также написал классическую работу о постройке органов и, на французском языке, весьма замечательную книгу о музыке Баха. Не оставлял он при этом и давних своих мыслей о миссионерстве. Но, будучи в Париже, из миссионерских же отчетов узнал о бедственном положении в экваториальной Африке, где негры во множестве умирали от проказы и тропических болезней. Не то, чтобы некому было обращать их в христианство, но некому было их лечить. Он сразу же принял решение поступить на медицинский факультет, стать врачом, уехать в Африку.

Выбор, окончательный выбор был сделан. Медицинский факультет выпустил его медиком незадолго до первой мировой войны. Он уехал в Африку, — туда именно, где теперь и умер, в Ламбарене. Работал там, пока французское правительство не интернировало его. Провел в лагере два года. Потом вернулся в родной свой Эльзас, принял французское гражданство, вновь уехал в Ламбарене. Наезжал оттуда в Европу и Америку для концертов: игрой на органе собирал деньги на оборудование и расширение своей ламбаренской клиники. Время от времени приезжал ненадолго отдыхать в свой эльзасский городок. Последнее концертное турне совершил, при всеобщих восторгах, после второй мировой войны. Протестовал против атомной бомбы. Получил нобелевскую премию мира. Писал книги по философии культуры, главная мысль которых заключалась в том, что вся культура держится на «уважении к жизни», как любил он выражаться, на простейших нравственных — евангельских — началах и от пренебрежения ими — рушится. Решусь сказать, что книги эти немного водянисты, а новозаветнические писания были остры и разрушительны. Но дело не в книгах! Философия, да и богословие его, это его жизнь. Церковь видимая — пусть и Церковь его отца, его детства — церковной его мысль и его веру не назовет. Но невидимая Церковь знает: никогда он имя Иисус не произносил иначе, как вполголоса. И жизнь свою высказал правду, которая не может умереть.

АЛЬБЕРТ ШВЕЙТЦЕР

ВРАЧ, БОГОСЛОВ, ФИЛОСОФ, ПИСАТЕЛЬ, МУЗЫКОЛОГ,
ОРГАНИСТ-ВИРТУОЗ

(1875—1965)

Смерть Альберта Швейцера прокатилась по всему земному шару таким же ударом грома, как и, в 1961 году, смерть Карла Юнга, тем более, что обоих связывала общая характеристика, тот и другой были врачи-энциклопедисты. К этому можно присоединить еще и третью связь: тот и другой были характернейшими представителями христианского гуманизма, на который ныне с яростью ополчились коммунисты.

Хотя энциклопедистов чрезвычайно мало, но все же они очень характерны для рода человеческого, и на могиле каждого из них можно сделать надпись, существующую на могиле Исаака Ньютона: «Радуйтесь, смертные, что на земле существовало такое украшение рода человеческого».

Уже за одно то, что А. Швейтцер принял всерьез к сведению и к исполнению, а не в виде кафедральной науки и не в виде риторики, Слово Божие — делает его имя бессмертным.

Наука о св. ап. Павле, наука о Иоганне Себастиане Бахе, метафизическое богословие, философия — всюду его мощный творческий дух оставил неизгладимый след. Но есть одна высшая ценность, бытию которой он научился у св. ап. Павла, составлявшего основную богословскую специальность Альберта Швейцера, эта основная ценность есть ЛЮБОВЬ. 13-ю главу I Послания к Коринфянам Альберт Швейтцер сделал своей путеводной жизненной звездой. Вот причина, заставившая его сделаться медиком, забраться в Ламбарене, отдаленнейший и самый нездоровый угол тропической Африки.

В этих жутких и по климату и по флоре и по фауне частях Африки, природа является для человека и для большинства живых тварей мачехой. Разрывающая сердце жалость к этим обойденным судьбой людям, обреченным биологическому аду, наполняла исходившее любовью сердце Швейцера уже в молодости. И это привело его на студенческую скамью медицинского факультета и снарядило его уже в 1937 г. для переселения в Ламбарене. Его жалостливая и милующая любовь, где он на деле проводил «подражание Христу», выходила за пределы любви к человеку и касалась всех тварей, особенно высших, таких как собаки, обезьяны и др. Альберт Эйнштейн наименовал, именно за его человеколюбие, А. Швейцера — величайшим человеком нашей эпохи. Любовь в душе Швейцера стала музыкой, богословием.

Сам А. Швейтцер, будучи сыном эльзасского пастора, стал органистом с пяти лет. Музыка Иоганна Себастиана Баха навсегда связала в его душе и во всем его существе искусство с христианской религиозностью, с христианским философским мирозерцанием и с богословием.

С тридцати лет он выбирает ареной своей врачебной практики местность с самым нездоровым климатом Африки и с неустойчивой энергией, с непрекращающимся усердием предается врачебному искусству до самой своей смерти, то-есть в течение шестидесяти лет. Число туземцев, которых он спас от мучительной смерти, выходит за пределы стотысячной цифры. И трудно себе представить человека, более заслужившего Нобелевскую премию мира, которую знаменитый медик, музыкант, богослов и мыслитель получил в 1952 г.

А. Швейтцер, однако, не ограничивался лечением больных всех возрастов, он еще был и поильцем, кормильцем, прикрывал их наготу. Этот гигантский размах филантропии приводит нас в трепет, и невольно в сознании возникает мысль, что Бог именно и награждал его столь разнообразными дарами, включая и дар музыкально-артистический, что, говоря на языке богословской метафизики, все они могут быть сведены к той действенной любви, огнем которой великий человек горел всю жизнь. Этот огонь увлекал всех тех, кто приходил в соприкосновение с ним. И сколько душ он наставлял и направил на путь Христовой истины, неразрывно связанной с делами любви и милосердия. Во всем том, что пишут и говорят об А. Швейцере, как-то мало обращают (или вовсе не обращают) внимания на эту сторону христианского педагога, учащего делом и примером. Ибо сказано: «Обративший грешника от ложного пути его, спасет душу от смерти и покроет множество грехов» (Иак. 5,20). А сколько душ еще приведет ко Господу чтение жития этого изумительного праведника и зажжет огнем желания следовать его примеру?

Поэтому так важно, со тщанием и добросовестно написанное, житие А. Швейцера. Это поистине душеспасительное чтение для нашей эпохи, ибо каждая эпоха создает свой стиль праведности, хотя вечный источник того и другого — один и тот же. Имеется изображение А. Швейцера, играющего на своей домашней фисгармонии, а также и другое — за его рабочим столом в процессе творчества; они передают его поистине иконописный лик. В лице А. Швейцера соединились два блистательных качества — праведника и артиста-мыслителя.

Из многочисленных изданных и неизданных богословско-философских произведений А. Швейцера, мы здесь на первом месте поставим «Мистику ап. Павла». А. Швейтцер был весьма чувствителен к кризису культуры, переживаемому западным миром, и

посвятил ему великолепное исследование под заглавием «Ф и л о с о ф и я к у л ь т у р ы», в двух томах (в 1941 г.).

В качестве философа-метафизика, А. Швейцера надо отнести к немногочисленной, но мощной группе х р и с т и а н с к и х э к з и с т е н ц и а л и с т о в, к которым мы отнесем, например, Н. А. Бердяева, Габриэля Марсея и др. В основе всех наших философско-метафизических узрений и размышлений должен лежать благоговеющий страх (Божий) перед таинственным фактом жизни. Это получилось у Швейцера в некоторых местах бездонно глубоко. Мир должно не познавать, но переживать.

К другим богословским произведениям А. Швейцера, делающим его близким, дорогим другом каждого просвещенного и культурного богослова христианина, независимо от конфессии, надо отнести: История исследований о жизни Иисуса (Geschichte der Leben Jesus Vorschung, 1906, вышла в 1927 г. пятым изданием); История исследований об ап. Павле (Gesch. d. Paulin Vorschung, 1911, вышла вторым изданием в 1933 г.); Христианство и мировые религии (Das Christentum und die Weltreligionen, 1924); Мировоззрение индусских философов (Die Weltanschauung d. ind. Denker, 1935); Африканские истории (Afrik. Geschichten,, 1936), (кажется были еще изданы); Моя жизнь и мои думы (Aus meinem Leben und Denken, 1931); Сообщения из Ламбарены (Mittellungen aus Lambarene) (три тетради 1925-1927), — все это должно быть отнесено к автобиографической литературе.

Швейцер, как и следовало ожидать от такого необыкновенного человека, обладал пламенем свершительной молитвы. Иногда это были тексты св. Писания, иногда импровизации или полуимпровизации, но всегда пламенно вдохновенные. Без молитвы, пусть и краткой, доктор-праведник ничего не предпринимал. Мы твердо верим в то, что именно эта сила постоянной молитвы, веры и добрых дел дала ему силы и возможность сделать все то невозможное для человека, что он сделал, и стяжала ему венец праведности. Протестанты могут радоваться: у них есть свой праведник.

Бывали случаи, как, например, когда против смертельного припадка уремии одной больной, доктор не имел в своем распоряжении иного средства, кроме молитвы у изголовья болящей. И, согласно тексту св. ап. Иакова, совершилось: «Молитва веры исцелит болящего и восставит его Господь» (Иак. 5,15). Это — во исполнение слов св. ап. Павла «вся могу о укрепляющем мя Христе».

Лекарства, самые замечательные, все же остаются только посредниками между Богом и болящим. И единый Бог творит чудеса, посредственно или непосредственно, силою молитвы: «кто Бог велий, яко Бог наш? Ты еси Бог, творяй чудеса!» Но чудотвор-

цами, мы именуем праведников, которым, в силу их веры и богоугодной жизни, в особой степени внимает Господь, особенно когда это молитва за других, молитва не заинтересованная, но исходящая из сердца, полного любви к Богу и к ближнему, ибо «это тот трон, на котором любит восседать Господь, по слову преп. Серафима.

Повторяем еще раз: благодаря делам любви (ибо «вера без дел мертва» Иак. 2,20), вера в душе и во всем существе изумительного доктора достигла высот и такой силы, что она превращалась в беседу Праведника с Богом, который как бы дерзновенно «требовал» у Бога чуда, — и чудо давалось ему. Это мы знаем на примере чудотворца всей России, известного отца Иоанна Кронштадтского.

Н. А. БЕРДЯЕВ

ПАМЯТИ МОНАХИНИ МАРИИ (СКОБЦОВОЙ)

(К 20-ЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ)

М. Мария (в миру Елизавета Юрьевна Скобцова) — одна из самых замечательных и одаренных русских женщин, какие я в жизни встречал. Меня связывали с ней дружеские отношения, которые имели разные периоды. Я очень любил м. Марию, хотя иногда жестоко с ней спорил. Сложность ее личности выражалась в том, что она в прошлом была социалистом-революционером и осталась человеком революционных настроений, была поэтом, публицистом, общественным и религиозным деятелем. Она представляла собой новое явление в православии и особенно в монашестве. В молодости она прошла через русский культурный ренессанс начала века, через новое течение в литературе. Одно время она была близка с А. Блоком и символистами. Ее душевная формация была уже иная, чем традиционной революционной интеллигенции. А когда она стала монахиней, то чувствовалось, что она не принадлежит к традиционному православному типу и это в православных кругах у многих вызывало к ней вражду. Я познакомился с ней у Вячеслава Иванова в 1915 году, и мне сказали, что она поэт. Потом долго не встречал ее. Потом в эмиграции уже я встретил ее впервые в поезде, когда мы ехали на съезд Студенческого Русского Христианского Движения. У меня явилось желание ближе привлечь ее к Движению. М. Мария одно время очень увлекалась съездами Движения, много в них вносила, у нее был дар общения.

М. Мария была человеком сильного темперамента, очень активным, постоянно нуждающимся в деятельности. Она очень увлекалась людьми, открывала новых людей, идеализировала их, потом нередко разочаровывалась в них. Также как людьми, она увлекалась новыми начинаниями, новыми формами религиозно-общественной деятельности, имела много планов. Но как и людьми, она разочаровывалась в своих планах. Думаю, что атмосфера эмиграции была очень неблагоприятна для какой бы то ни было творческой общественной деятельности. Никакого размаха тут не могло быть. Остатки старой эмиграции, в преобладающей своей части религиозно и политически реакционные и правые, вызывали вражду к новому типу монахини, представленному матерью Марией, вызывали вражду к ней и к ее планам. Многому в моих идеях она сочувствовала и они действовали на нее оплодотворяюще, особенно в последний период это чувствовалось. Но одно время она была ближе к о. С. Булгакову и к софианскому направлению. В это время она спорила со мной, противопоставляя идею рождения идеи творчества. Это было как бы борьбой женского и мужского начала.

М. Мария могла производить впечатление большой оптимистки, упоенной жизнью и полной надежд на будущее. Но это была обманчивая внешность. Когда вышел сборник ее стихов, очень интересный, и в стихах обнаружилась ее внутренняя жизнь, то обнаружилось, что она совсем не такая оптимистка. В ней было что-то трагическое, предчувствие своего трагического конца. В ней происходила борьба с Богом. Проблема смерти имела для нее больше значения, чем проблема жизни. Стихам ее, как и драматическим поэмам, написанным в последний период жизни, следовало бы посвятить особенную статью. В известный момент своей жизни она решилась на очень смелый шаг. Она решила сделаться монахиней. Она думала, что это откроет для нее перспективы широкой религиозной деятельности. Она начала слушать лекции в Петербургской Духовной Академии, это была, кажется, единственная женщина. Должен сознаться, что я не сочувствовал принятию монашества м. Марией. Я думал, что это не ее призвание, и что она встретит настолько большие трудности у церковной иерархии, что может быть принуждена будет покинуть монашество, что очень тяжело. Благодаря личным отношениям с митрополитом Евлогием, ей удалось сохранить довольно большую свободу. Первое время она была более ортодоксальна, чем это хотелось бы. Она переживала медовый месяц монашества. Но скоро обнаружилась ее свободомысленная и бунтарская природа.

Она стремилась к новому типу монашества, не созерцательному, а активному, действующему в мире и отвечающему на мучительные запросы мира, на муку мира. Это совпадало и с моими мыслями. Нужно было прокладывать новый религиозный

путь. Если это вообще задача трудная, то в условиях русской эмиграции она почти невыполнима. М. Мария делала разного рода попытки, но они не соответствовали грандиозности задачи. Ей не удалось положить основание новому типу монашества. Представители консервативного типа православия ей сопротивлялись. И она все время испытывала разочарования. В последний период ее жизни в Париже у нее было желание уйти в другой мир. Ее все более и более тянуло на родину, в Советскую Россию. Во время войны это приняло почти болезненные формы. Она хотела жертвы во имя России. Здесь, за рубежом, она находила мало людей, подходящих для осуществления своих целей. И у нее нарастало горькое чувство. Но одно ей удалось, ей удалось запечатлеть свой оригинальный образ и оставить память о нем. Излучения от человека действуют и тогда, когда это незримо. Никакой творческий порыв не пропадет бесследно. Она была уже новой душой в христианстве, была одной из тех, в которых подготавливалась новая эпоха в христианстве.

У нее была одна неизменная любовь-страсть, любовь к России и русскому народу. Эта любовь делала ее несправедливой к Западу. В ней была славянофильская закваска, но славянофильство было не консервативным, а революционным. Жизнь ее окончилась мучительно и трагически. В начале 1943 года М. Мария была арестована и сослана немцами в концентрационный лагерь Равенсбрюк, где мученически погибла в марте 1945 года.

Она пала жертвой своей любви к России. Те, которые сидели с ней вместе в немецком концентрационном лагере, вспоминают об огромном духовном значении, которое она приобрела для всех сидевших с ней вместе. Там, в этом аду, ей более удалась христианская деятельность, чем в Париже.

БОРЬБА ЗА СВОБОДУ ДУХА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Внешняя обстановка художественного творчества

«Возвращение к коллегиальным формам партийного руководства» не принесло каких-либо существенных изменений в отношении Коммунистической Партии к интеллектуальной и духовной жизни страны. Посвятив первые месяцы своего пребывания у власти наиболее острым проблемам, доставшимся им в наследство от хрущевского периода, новые носители ее постарались определить свои позиции в области литературы и искусства. Мы находим их выраженными в четырех статьях «Правды» (от 9, 17 и 24 января и 21 февраля 1965 г.).

Первый из этих официальных текстов был перепечатан всей советской прессой. Он, по существу, служит основанием для трех остальных. «Искусство лишь в том случае становится верным духовным оружием партии, народа, — читаем мы в нем, — если оно служит делу борьбы за Коммунизм». Художественное творчество должно «воплотить пафос строительства коммунизма». «Идеи коммунизма — вот верный компас» для советского художника. «Художественная критика только тогда сможет выполнить свою важную созидательную функцию (...), когда она с принципиальных партийных позиций (...) будет оценивать все явления художественного творчества и давать им верную ориентацию». «Партия (...) ценит мастеров искусства прежде всего по их делам, по их произведениям, по их преданности идеям коммунизма (...)». «Строитель нового мира — главный герой литературы», утверждает передовица «Правды» от 17 января. «Он передовой человек своего времени, одухотворенный идеями марксизма-ленинизма (...)». Его партийный официоз противопоставляет «бесцветному существу», появляющемуся еще «на страницах отдельных повестей и рассказов», которое «только и делает, что философствует по разным пустякам и брюзжит по поводу «неустройств» жизни». «Нужна обстановка нетерпимости к проявлению идейных шатаний (...) отступлениям от нравственно-эстетических норм советского художника», добавляет орган КПСС 24 января. Наконец, в обширной статье ее редактора А. Румянцева, «Правда» от 21 февраля если и признает, что «плодотворное развитие науки, литературы и искусства требует наличия различных школ и направлений», то тут же поясняет, что все они должны быть объединены «единством диалектико-материалистического мировоззрения». Чтобы его правильно поняли, автор статьи считает нужным добавить, что «партия не может мириться с попытками проташить в науку идеа-

листические и метафизические концепции, столкнуть искусство в болото безыдейности (...)».

Приведенных цитат достаточно, чтобы убедиться в каких тисках продолжает быть зажато художественное творчество в СССР. Позволительно спросить себя: каким образом можно говорить, в таком случае, о легальных формах борьбы за свободу духа в Советском Союзе? А именно о таких формах борьбы надо сказать несколько слов, прежде чем перейти к другим видам духовного сопротивления мыслящей России ее нынешней власти.

Следует иметь в виду, что эта власть, несмотря на давно уже укоренившиеся привычки самых разнообразных насилий над человеком, все еще как бы стыдится голых формулировок тех требований, которые она предъявляет к произведениям человеческого духа. Перечисленные выше высказывания предельно точны, но они тонут в потоке пышной и пустой фразеологии. Фразеология эта имеет, впрочем, весьма определенное значение, скрытое, однако, употреблением слов, которым в обычном обиходе придается совсем иной смысл. Говорится, например, о **правдивости** отображения действительности. Но слову «действительность» предпосылается определение «социалистической», что сразу ограничивает круг возможностей писателя или художника. Неустанно повторяются напоминания о **принципиальности** художественного творчества. Однако, они обычно сочетаются с призывами к «партийности», из чего становится ясным, что речь идет о принципах марксизма. **Народность**, «тесная связь с нуждами и чаяниями трудящихся масс», также не должна вводить в заблуждение читающего, ибо он без труда разумеет, что, при советском строе, народ не должен желать ничего иного, кроме полного осуществления коммунизма.

Но находятся служители литературы и искусства, которые принимают — или делают вид, что принимают — за чистую монету эти призывы к правдивости, принципиальности и народности и отвечают на них не так, как этого бы хотелось власти. Их произведения иногда печатаются, хотя они вызывают, обычно вскоре, ожесточенную критику. Самому факту их появления на свет не следует удивляться, приняв во внимание структуру советской цензуры... Действительно, в СССР не существует специального института этой последней. Обязанности цензоров исполняют ответственные за печатаемое «редакторы», фамилии которых значатся на последней странице каждой книги. Им принадлежит изъятие тех или иных неудобных с их точки зрения мест. (Следы этой работы можно подчас обнаружить, сравнивая тексты произведений, напечатанных сперва в одном из «толстых» журналов, а затем вышедших отдельной книгой.) Это даже не особенно скрывается, так как открыто пишется о совместной «переработке» книг авторами их и редакторами издательств. Как бы то ни было, в этом

отношении замечается определенный «разнобой», ибо в одном месте опускается то, что допускается в другом. Наиболее робкие редакторы провинциальных издательств предпочитают печатать уже известных авторов, или переиздавать вышедшие уже в столице книги, закрывая дорогу молодым писателям. Жалобы на это не редки в советской литературной прессе.

Легальные формы борьбы за свободу духа

К формам легальной борьбы за свободу духа следует отнести все те высказывания или произведения, которые хотя и печатаются на страницах советской прессы или выходят в советских издательствах, но тем не менее идут явно вразрез с желаниями партии. Нельзя не вспомнить по этому поводу случай с романом Дудинцева «Не хлебом единым». Появился он в «Новом Мире» осенью 1956 года, в месяцы, следовавшие за известными анти-сталинскими разоблачениями Хрущева и отмеченные началом волнений в некоторых странах-сателлитах. Власти, очевидно, было в это время не до литературы, оставшейся без указаний соответствующих инстанций. Только этим можно объяснить, что 22 октября 1956 г., в переполненном зале Центрального Дома Литераторов, в Москве, состоялось публичное обсуждение успешного уже достаточно нашуметь романа. Пространный отчет о нем, напечатанный в «Литературной Газете» (№ 128 от 27 октября 1956 г.), являет любопытный пример единодушия, в своем положительном отношении к обсуждавшемуся произведению, всех без исключения выступавших ораторов. А их было двенадцать, и среди них мы находим несколько известных литературных имен (Вс. Иванов, Конст. Симонов, С. Михалков, К. Паустовский, В. Овечкин, В. Кетлинская и др.). Факт этот интересен, так как свидетельствует о подлинных настроениях писателей в те редкие моменты, когда им удается вырваться из под назойливой правительственной опеки. В данном случае, момент этот был краток. Уже через несколько недель началась беспощадная травля Дудинцева, завершившаяся, в августе 1957 года, осуждением его самим Хрущевым (в статье: «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа»).

Однако, как говорят, с особого разрешения того же Хрущева, в 1963 году появилась приобретая столь большую известность повесть Солженицына: «Один день Ивана Денисовича». Ее уже осуждают в настоящее время наиболее ортодоксальные советские критики. Но Солженицын ею не ограничился. Приведем здесь заключительные слова одного из его последующих рассказов: «Матренин двор». Вот как он говорит о погибшей от несчастного случая крестьянке Матрене: «Все мы жили рядом с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село. Ни город. Ни вся земля наша».

Понятие праведности, особенно в таком контексте, плохо укла-

дывается в рамки, поставленные идеологическими органами Компартии правдивому изображению лучших принципов русского народа. Тем более важно, что напоминание о нем сделано, в наше время, русским писателем и на русской земле.

Знаменателен, в этом отношении, и «диалог» о духовном творчестве народа, возбужденный прошлой зимой, на страницах «Литер. Газеты», Вл. Солоухиным. Статья его под этим заглавием («Л. Г.» от 3 декабря 1964 г.) ставила очень остро вопрос об исчезновении активного участия народа в «создании красоты».

«Кто создал, — пишет он, — замечательные, поражающие весь мир красотой, многоголосые русские песни? Народ». Прежде «пели все. Мало того, что пели — сочиняли (...). В этом заключался элемент активной духовной жизни деревенского человека (...). Русские песни сосредоточены сейчас в городах», в хорах. «Но оно, пение, ушло из быта (...). В избах поют патефоны и радиоприемники». Исчез из быта и танец, ушедший в «хореографические ансамбли». Нет больше нарядной национальной одежды, резной утвари, кружев, вышивок, русских сказок, фольклора. «Вот чем питались Пушкин и Толстой, вот откуда Шалапин и Есенин», восклицает Солоухин. И с грустью констатирует: «от патефонной пластинки, Есенин не зародится». «Никто не умеет? Все забыли», спрашивает он. «Можно вспомнить и выучиться (...). Надо лишь до конца понять, как это важно: духовная культура народа. Народ — творец и хранитель народного искусства, а не просто радиослушатель и телезритель».

Статья эта вызвала исключительный интерес. Закрывая «диалог» в начале марта 1965 г., «Литер. Газета» призналась, что со времени напечатания ее, почта ежедневно приносит в редакцию десятки писем». «В чем-то не соглашаясь с ним, большинство читателей разделяет тревогу писателя», писала она («Л. Г.», от 11 марта 1965 г.). Тем не менее, вопреки установившемуся правилу, редакционная коллегия воздержалась на этот раз от высказывания своего собственного мнения о предмете спора. Есть основания полагать, что ее нейтральная позиция объясняется очень резкими выпадами против Солоухина приверженцев официальной точки зрения на культуру и искусство. «Любая культура прежде всего материальна», писал в своем ответе Солоухину Б. Можаяев («Л. Г.», от 24 декабря 1964 г.). «Совершая хозяйственную и техническую революцию в деревне, мы создаем и прочную основу для революции культурной», вторил ему в том же номере газеты писатель А. Борщаговский. Солоухину, говорил он, «люб (...) нетронутый, патриархальный мир остановившейся духовной жизни». «Зарождение Есениных не входит в сознательную задачу (...) деревенских людей». «Наша вполне земная задача заключается в том, чтобы всеми средствами поднять уровень жизни деревни, уровень ее культуры, ее начитанности, осведомленности. Задача заключается

не в обособлении деревенской культуры от городской, а в сближении, в подтягивании деревни к городу». Читая эти строки, приходишь к выводу, что перед нами то, что французы называют «диалогом глухих». К счастью, этого нельзя сказать об откликах большинства читателей «Литер. Газеты», отмеченных, как мы видели, самой редакцией.

Небезынтересно остановиться на вопросе о том, что, собственно, не нравится ортодоксальной марксистской критике в произведениях таких писателей, как Солоухин. Ответ на это мы находим в статье М. Лобанова («Л. Г.» от 17 декабря 1964 г.). Обрушиваясь на своего сотоварища по перу Л. Михайлову, видящую в Солоухине «поэта жизнеутверждающего, чистого, бескорыстного, страстного единения человека с живым миром», он осуждает его как раз за «созерцательность в отношении к людям и природе», ставя ему, кроме того, в вину «социальную незначительность» большинства его последних рассказов. Достается от него и другому советскому критику, Марине Каретниковой, восторженно отозвавшейся о рассказах Ю. Казакова. «Пронизывающей атмосферы времени не чувствуется в рассказе Ю. Казакова», пишет Лобанов. «Марине Каретниковой показалось интересным у Ю. Казакова то, что как раз вовсе не интересно, а, напротив, скорее даже банально». Поясним от себя, что то, что кажется таковым Лобанову, относится к описанию внезапного порыва к добру, охватившего одного из героев Казакова. Под влиянием «нашедшей на него радости», ему «захотелось быть хорошим и чтобы все вокруг тоже были веселы и милы». Желание как будто положительное, даже в социальном отношении. Но возникло оно на почве доктринально неприемлемой и поэтому безжалостно отвергается марксистской критикой. В этом случае, редакция «Литер. Газеты» сочла нужным статью на точку зрения своих партийных менторов. «Справедливым следует признать тот взгляд, что лирическая проза только тогда приобретает идейно-художественную значимость, когда наполняется серьезным социальным содержанием», замечает она в после словии «от редакции» к только что цитированной нами статье.

Уход от легальности

Но как раз пренебрежение к области личных переживаний служит основным мотивом для тех попыток уйти от партийного контроля, которые начинают останавливать на себе внимание советской печати. Речь идет о песенном творчестве. «О том, что, как правило, не рассматривается на редакционных советах», а создается самой молодежью, которая «собираясь по вечерам, увлеченно поет, декламирует, перенимает друг от друга, переписывает с магнитофона на магнитофон». «О десятках, сотнях и тысячах песен, баллад, стихов, напеваемых под гитару, возникающих и рас-

пространяющихся как бы стихийно» (Л. Переверзев: «О современных «бардах» и «менестрелях»» «Л. Г.», от 15 апреля 1965 г.). Это тот художественный жанр, начало распространения которому положил известный Булат Окуджава. Чем же пленяет молодежь этот талантливый автор-исполнитель? «Вероятно, — отвечает Переверзев, — органичным сплавом задушевной лиричности, интимной откровенности, возможной лишь в личной беседе, лаконизмом и суровостью описания человеческих конфликтов и переживаний». Т. е. именно тем, что марксистская критика стремится вытеснить из советской литературы. И еще, должно быть, кое-чем другим, так как автор названной статьи сетует, что некоторые эпигоны нового стиля «идут по наиболее легкому и протоптанному пути сомнительной однодневной популярности, купленной ценой дешевого фрондерства».

Кроме устно распространяемых баллад, песен и стихов, вне партийного контроля находится также и распространение — на этот раз письменное — произведений, доступ которых на территорию Советского Союза запрещен властями. Известно, что наиболее значительные труды русских эмигрантских авторов расходятся на их родине, переписанные на машинке. Необходимо подчеркнуть, что произведения, которые мы имеем в виду, не имеют никакого отношения к политике. Это — чисто литературные труды или труды эмигрантских философов и богословов. Этим как бы дается мера культурного падения Советской России. Ибо нет другой страны мира, кроме конечно стран, находящихся в орбите СССР, где бы, во второй половине XX века, читатели должны были прибегать к подобному способу удовлетворения своей жажды знания.

К категории нелегальных способов борьбы за свободу духа принадлежит, наконец, издание произведений советских авторов, пересылаемых ими для напечатания за границу. Почин ему положил Борис Пастернак (1), передавший в середине пятидесятых годов рукопись «Доктора Живаго» одному итальянскому издательству (роман вышел из печати в Милане, в октябре 1957 года). Пастернак имел ряд имитаторов. Среди них, как наиболее известного, надо назвать Валерия Тарсиса, заключенного за появление его произведений за рубежом в больницу для умалишенных, но не побоявшегося описать свое пребывание в ней в новой повести, напечатанной в эмигрантском журнале («Палата № 7», «Грани», № 57, 1965 г.). В предыдущем выпуске того же журнала появился ряд коротких рассказов, авторство которых приписывается Солженицыну («Рукописи из России», «Грани», № 56, 1964 г.).

1) Два аналогичных случая, имевшие место в прошлом — с Евг. Замятиным, эмигрировавшим впоследствии, и Бор. Пильняком, павшим жертвой сталинского террора, — не создали прецедентов, так как эти писатели не имели последователей.

Явление это новое и заслуживающее быть отмеченным. Оно свидетельствует не только о бессилии власти заглушить свободный голос даже физически поработанного человека, но и о гражданском мужестве тех, кто пренебрегает грозящими ему преследованиями ради исполнения своего долга духовно независимого борца за культуру русского народа.

Заключение

Этот краткий обзор позволяет прийти к некоторым выводам. Несмотря на невиданные еще в истории препятствия, которые встречает в СССР духовная жизнь в ее самых различных проявлениях, Духа угасить власти не удалось. Не удастся, надо полагать, и впредь.

Эксперимент над человеком, который совершается уже почти пятьдесят лет перед нашими глазами, начинает приобретать неожиданный, для самих экспериментаторов, характер. Все больше становится ясным, что не все идет гладко в «первом социалистическом государстве». Важны не столько те или иные материальные трудности коммунизма, сколько его доктринальная беспомощность. Марксизм, претендующий на исчерпывающее понимание всего, что случается вокруг него в мире, оказывается неспособным интерпретировать то, что происходит в его собственных недрах.

Еще «завещание» итальянского коммунистического лидера Тольятти отмечало, что появление так называемого «культы личности» и всех его последствий так и осталось не объясненным. Факт тем более многозначительный, что названный «культ» возник, хотя и в более мягкой форме, после смерти Сталина, в применении к Хрущеву. Как это могло случиться дважды, на протяжении полувекковой истории советского режима, остается до сих пор теоретически не выясненным. А ведь коммунизм полагает себя единственной политико-философской системой, осуществление которой происходит, по его словам, на основании строго научного анализа действительности!

Причина того, что должно быть признано доктринальной несостоятельностью, кроется, очевидно, в непонимании марксизмом природы человека. Каковы бы ни были ее извращения, ведущие к пагубным историческим эксцессам, нельзя забывать, что Дух неотъемлем от нее. Его настоящая стихия — Свобода. И, несмотря на все превратности исторического пути человечества, рано или поздно торжество Духа неизбежно. К этому ведет естественный процесс истории, поскольку главным двигателем его является Человек.

На религиозном фронте

1. — МУЧЕНИЧЕСКАЯ КОНЧИНА ПРОТ. К. КАРЧЕВСКОГО

В шестом номере 1965 г. «Журнала Московской Патриархии» была помещена статья о смерти протоиерея Константина Карчевского, скончавшегося в этом году на Страстной неделе. В этом подробном некрологе обстоятельства смерти описаны таким образом:

«Последнее время О. Константин жил в Москве. В текущем году в начале Страстной седмицы он приехал в с. Чашниково, где священствует его ученик, чтобы тут же провести и пасхальные дни. Неожиданная смерть застала его в ограде этого храма в ночь со вторника на среду Страстной седмицы» (стр. 23-я).

Из этого можно заключить, что смерть была естественна. Настоящие же обстоятельства смерти О. Константина были таковы. О. Константин действительно приехал в село Чашниково, чтобы помочь в богослужении настоятелю церкви. Он жил в маленьком деревянном домике, прилегавшем к сторожке в церковной ограде. В среду, на Страстной, туда пришли какие-то парни, которые спросили: «А где тут живет поп?» и узнав, ушли. В ночь с **четверга на пятницу**, сторожка загорелась по неизвестной причине и огонь перебросился в деревянный домик. О. Константин, у которого, вследствие ранения во время первой мировой войны, была протезная нога, вероятно не смог надеть протеза и заживо сгорел. О его смерти дали знать его дальним родственникам, которые приехали и потребовали, чтобы похороны были гражданскими. Через некоторое время, О. Карчевского отпевали заочно; при чем, в некоторых церквях о нем молились как о «сгоревшем», а в других как о «сожженном».

Более чем странно, что в «Ж. М. П.», не указано, что О. Карчевский погиб во время пожара и, во-вторых, что день его смерти указан не правильно, — во **вторник**, т. е. накануне того дня, когда пришли парни спрашивать о том, где он живет.

Прот. К. Карчевский, родился в 1886 г., был выдающимся пастырем. Он окончил Московскую духовную академию в 1916 г. и два факультета, юридический и биологический. Священный сан принял в 1945 г.

О трагической кончине священника Московской епархии, подожженного безбожниками, сообщали из разных источников, но без указания имени.

2. — ИСПОВЕДНИЧЕСТВО ОДНОЙ СТУДЕНТКИ

Молодая девушка Н..., дочь коммуниста и равнодушной к религии матери не получила никакого религиозного воспитания. Бабушка — верующая — тайком от родителей окрестила ее, но много влияния на нее в религиозном отношении не имела. После смерти бабушки Н..., которая была уже студенткой, нашла Евангелие, прочла его целиком и уверовала. С тех пор, тайком, стала ходить в церковь.

С детских лет, Н... была очень способна, всегда была первой ученицей и, в высшем учебном заведении, в котором она тогда училась, профессора ее заметили и предсказывали ей блестящее будущее.

Однажды, заканчивая телефонный разговор с матерью, Н... сказала ей: «Да хранит тебя Господь». Разговор этот услышали ее сокурсницы. Отсюда начались все злоключения Н...

Сначала удивление товарищей: «Не может же комсомолка говорить такие вещи. Неужели же ты веруешь?» И на утвердительный ответ Н... посыпались насмешки. Затем был созван товарищеский суд комсомольцев, где настойчиво стали требовать от нее отказа от религиозных убеждений. Но девушка стояла на своем.

Тогда в дело вмешались сначала профессора, потом директор, который ввиду ее блестящих успехов в учении, предложил ей уладить дело при условии, что она прочтет антирелигиозную лекцию; в противоположном случае ее лишат сначала стипендии, а затем примут другие, еще более строгие меры; и это не помогло. Наконец ей пришлось предстать перед многочисленной комиссией, где все ее допрашивали по очереди, пытаясь действовать на нее всякими способами; при том, она должна была стоять, только через два часа ей позволили сесть. Но она осталась непоколебима, и в конце концов, ее исключили из этого учебного заведения.

Можно отметить, что часть ее товарищей по учению постепенно изменила отношение к ней и стала ее поддерживать морально, и даже некоторые коммунисты высказали свое возмущение по поводу столь явного нарушения свободы совести, гарантированной конституцией СССР.

(Оба случая рассказаны английским туристом, недавно посетившим Советский Союз).

А. Р.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА

Проживая в СССР, мое служебное положение в качестве начальника морского агентства в г. Х позволяло мне узнавать и изучать то, что замышляется членами партийных организаций против народа и христианской церкви. Я лично сталкивался с секретарями партийных организаций, присутствовал на собраниях, в том числе и секретных заседаниях. На них я лично убедился в бессмысленности коммунистической политики, узнал о провале ее пропаганды в СССР и о преследовании христиан и пр.

Коммунистические вожди знали, что пока христиане верят в Бога живого, они сильны духом, у них не сломлена их собственная воля и они не будут исполнять насилие, беззакония и злодеяния по указанию властей, а будут поступать по законам Божьим. Но коммунистам нужны безвольные люди, послушные и немыслящие, чтобы они восхваляли коммунистических вождей и любой абсурд принимали за гениальность.

Но за последнее время, в связи с переменами в области политики стало заметно, что престиж вождей с каждым днем падал, росло открытое недоверие к ним народа, в том числе и руководителей советских организаций, а престиж христиан повышался. У власть имущих появился страх, росла злоба и ненависть к христианам и их истинным пастырям. Казалось бы, что здравый смысл должен был бы восторжествовать и заставить их отказаться от атеизма, но увы, гонения на христиан лишь усилились с применением новой тактики и методов преследования и разложения христианской церкви изнутри. После известного «совещания по идеологическим вопросам» в 1961 году, стало заметно, что преследования христиан в СССР усилились; по-видимому, власти хотелось хотя бы цифрами закрытых церквей показать «успех» коммунистической пропаганды и атеистической «работы». На указанном выше партийном совещании говорилось, что пропаганда коммунистической прессы, атеистические «научные общества» и т. п. почти никакого успеха не имеют и что количество верующих в Бога людей в СССР за последние годы значительно увеличилось (а не уменьшилось, как об этом пишут в газетах), особенно увеличилось оно в южной части СССР, например, в Тарнопольской области, в Ставропольском крае, где возникали новые общества христиан, которые подавали даже прошения о их регистрации.

Вскоре после, а именно 19 июля 1962 года та же газета «Правда», № 200, в статье «Раздумья атеиста» признала, что верующие в Бога люди не соблазняются атеистической пропагандой; она поносила христиан злобными выражениями, сравнивая их чуть ли не с уголовными преступниками. Например: «...в Одессе... в

этом курортном центре страны активизировались церковники и сектанты. Они усиленно пытаются увести от общественной жизни и завербовать в свои ряды как можно больше людей, в том числе и молодежь... Врач Данилова-Артемьева, которая умудрилась кликушествовать в молитвенном доме... и в то же время готовится к защите кандидатской диссертации». Даже из этой статьи видно, что коммунистические власти следят за христианами.

Далее, в той же статье, «Правда» подтверждает, что... «до войны в центре Одессы не было ни одной церкви и молитвенного дома. В помещениях бывших церквей размещались музеи, спортивные залы, клубы...». После опубликования статьи горком партии наметил конкретные меры.

«В настоящее время принимаются меры по пресечению антиобщественной деятельности сектантов». Какие принимались и принимаются меры коммунистическими властями к христианам и их пастырям в действительности, видно из следующего рассказа.

Случай с о. Иоанном

С 1957 года я посещал небольшую христианскую церковь в Одессе. Эта церковь находится примерно в 400 метрах от рынка железнодорожного вокзала, в Колхозном переулке д. № 1-2. Эта церковь принадлежит старообрядческой христианской общине, которая ранее имела свой храм, но коммунистические власти разрушили этот храм под предлогом постройки школы на месте храма, а под церковь дали помещение в старом жилом доме. В этом доме жили и церковные служащие, в том числе священник о. Иоанн со своей семьей, Кондратьевна, как ее называли миряне, Бондарев — сын певчего этой церкви.

О. Иоанн — человек лет 60-ти, с ясными голубыми глазами; он усердно и с ревностью исполнял свои обязанности священника. Во время богослужения он внимательно слушал певчих и псаломщика, из алтаря поправлял их ошибки; он имел большой авторитет среди прихожан.

Власти предложили о. Иоанну перейти служить из Одессы в деревню, около Одессы, т. е. это означало — закрыть церковь в Одессе. Так как в этом не было никакой необходимости для христиан, то о. Иоанн отказался оставить свою паству в Одессе, где прихожан было значительно больше, чем в деревне, и, кроме того, в Одессе учились его дети, в деревне же они не смогли бы уже учиться.

Но коммунистические власти, получая распоряжение свыше, не отказались от намерения закрыть эту церковь. Как установлено, в СССР все учреждения, предприятия, все группы населения, в том числе и церковные общины, находятся под тайным надзором коммунистической полиции, которая любит говорить: «Мы всегда все знаем». Все, даже мелочи, докладывается вышестоящим ин-

станциям, не говоря уже о крупных, как, например, закрытие церкви. Без утверждения выше стоящих инстанций, нижестоящие не имеют права приступить, как они говорят, «к операции».

Вскоре после отказа о. Иоанна переехать в деревню к нему домой пришла милиция и назначила его «понятым», т. е. быть свидетелем при обыске квартиры сына певчего Бондарева. Властям захотелось именно о. Иоанна впутать в это дело, имея для этого свою скрытую цель.

При обыске властью квартиры сына Бондарева, у него нашли мешок муки (один мешок муки для семьи считается в СССР большим количеством). О. Иоанн подтвердил этот факт. Сына Бондарева арестовали. Видимо, это подтверждение только и было нужно властям для того, чтобы противопоставить потом Бондарева-отца священнику о. Иоанну, чтобы использовать это в своих провокациях против о. Иоанна.

Затем в газете «Комсомолец Одессы» была помещена клеветническая статья на о. Иоанна. В этой статье его обливали грязью, сочинили небылицы о якобы аморальном его поведении. Начались интриги, специально распускались слухи, сплетни, чтобы оттолкнуть истинных христиан от о. Иоанна. Коммунистические власти начали «расследование недостойного поведения о. Иоанна». Только два человека письменно «подтвердили факты», в числе которых оказался певчий этой церкви — Бондарев. Видно из этого, что раньше коммунистическим властям не хватало еще одного человека для этой провокации.

Власти поверили лжесвидетелям, нужно прямо сказать — своим агентам, и не послушали 40 человек мирян, выступивших с опровержением фальшивых показаний двух человек. На стороне о. Иоанна могло бы выступить большое число свидетелей, но истина не нужна была властям, у них была цель: разложить общину изнутри и закрыть церковь. О. Иоанн не выдержал такой злостной клеветы, интриг, и был сильно нервно потрясен и заболел; два месяца он был прикован к кровати — в больнице и дома. Но даже в это время продолжались сплетни и небылицы. Например, что якобы о. Иоанн остриг уже свои волосы и бороду, которые полагаются сану священника. Некоторые люди приходили к нему на дом и убеждались в клевете.

В СССР нет защиты, если коммунистические власти устраивают незаконные протесты против кого бы то ни было. Никто не может защитить вас, ни прокурор, ни судья не будет вас слушать, так как он тоже является их ставленником и боится за свое место, если бы даже у него и пробудилась совесть ради справедливости. Разве кто-нибудь читал хоть одну заметку против коммунистических властей?

В сентябре 1963 года я был на богослужении в церкви, находящейся в Колхозном переулке, и видел, что богослужение

происходило без священника, при закрытом алтаре. Вследствие психической травмы, о. Иоанн отказался от священнической службы. Он даже не мог спокойно разговаривать после всего перенесенного. В первый же день, как он только немного поправился, он пришел в церковь в день праздника, но присутствовал и молился, как все миряне.

Чувствовалось, что в церковь проникли коммунистические волки, и христиане их остерегались. Так, например, я дал одной женщине деньги, чтобы она передала их о. Иоанну в порядке материальной помощи, но она потом вернула мне их. Видел я также, как другая женщина, ставя свечу, положила на подсвечник деньги и, проходя мимо о. Иоанна, шепнула ему, чтобы он взял эти деньги.

Уловки по выслеживанию христиан

Другим примером так называемых «конкретных мер» «по пресечению антиобщественной деятельности» христиан может служить следующий факт:

До 1961 года в данной церкви была копилка для сбора денежных пожертвований на ремонт церкви и на другие нужды. Этот ящик-копилку сняли, и христиане должны были лично вносить деньги кассирше, которая записывала в список фамилии лиц, вносивших деньги, и сумму. Когда я вносил кассирше деньги, она попросила меня назвать фамилию, так как я был не из Одессы и она меня не знала. Кассирша сама, конечно, и не подозревала, что все церковные списки проверяются коммунистическими властями, но мне это было известно из заявления секретаря районного комитета партии, который однажды на конференции партии заявил: «Мы можем всегда получить нужные нам сведения о венчающихся, крещенных и о любых других делах церкви...». Я поэтому отказался назвать свою фамилию, так как это нововведение не от отцов церкви исходит, но власти различными уловками выслеживают христиан. Для меня это было очень опасно ввиду того, что властям очень хотелось бы узнать скрывающихся от них христиан, занимающих руководящие посты. Кассирше я ответил, что жертва приносится Богу, а не людям, а Бог знает кто ее принес. Присутствовавшие при этом христиане поддержали меня и она записала тогда: «от неизвестного».

Последний раз я посетил эту церковь 13 августа 1963 года; она была еще открыта для церковных служб, но священника не было... Рассказывали миряне, что о. Иоанн пошел работать сторожем на Пересыпь — так называется один из районов Одессы.

Вследствие государственного господства коммунистической идеологии, положение всех групп и всего населения в СССР тяжелое, но самое тяжелое и трагичное — это положение христиан, которые вообще не имеют никакой защиты.

Голос из России

(Продолжение)

В редакцию «Вестника Р.С.Х.Д.» продолжает поступать материал, свидетельствующий о жизни Православия в России. Мы считаем своим долгом публиковать весь этот материал, чтобы, с одной стороны, довести его до сведения наших читателей и, через них, до западного общественного мнения, а с другой, сохранить то достояние, которое, в настоящий момент, не может найти законного места в СССР. Ред.

Александра Надеждина

Стихи А. Надеждиной, случайно попавшие на Запад, публикуются впервые и без ведома автора.

1. — Оптина (1)

Ты — Оптина! Из сумрака лесного,
Из сумрака сознания моего,
Благословенная, ты выступаешь снова,
Вся белизна, и свет, и торжество.

Я каждый камень бережно узнаю,
Икону на столбе (2), и старый твой паром,
Уже лепечет мне струя речная,
Уже встает за лесом отчий дом (3).

1) Печатается в немного сокращенном виде. Читая эти стихи, мы были поражены близостью их духовного содержания с книгой О. Сергия Четверикова (Оптина пустынь, Париж, YMCA-Press, 1926, распространена). В поэтической прозе О. Сергия выражаются те же чувства, внимание останавливается на тех же предметах. Эта духовная связь нам кажется ценной, и поэтому мы позволили себе снабдить поэму примечаниями, в которых, помимо исторических уточнений, даем краткие выдержки тех мест, из текста О. Сергия, которые нам кажутся самыми близкими к стихам А. Надеждиной. Надеемся этим побудить молодых читателей ближе ознакомиться с «Оптиной пустыней», одним из замечательнейших очагов православного монашества XIX и XX вв. (Ред.).

2) При входе в Оптину пустынь стоял столб с укрепленным на нем образом владимирской Богоматери (см. Четвериков, стр. 12).

3) Вот как описывает Оптину пустынь О. Сергий: «Оптина пустынь расположена... на правом берегу не широкой, но глубокой и полноводной реки Жиздры, у опушки огромного векового бора... Белые монастырские здания и стены и голубые главы церквей с золотыми крестами красиво и величаво выступают на зеленом фоне сосен и елей... Обычно, бого-

Твой колокол — он цел, Ты слышишь, над лугами
Плывет его широкий мощный гул,
И ширится, и падает кругами,
Так полно он, так медно он вздохнул.

Слепец и схимник — славный наш звонарь —
Теперь он нищим бродит по округе,
Колокола поют в дожде и выюге,
И он во сне еще звонит, как встарь.

Открыты храмы. Узкая дорога
К той паперти высокой привела
Меня и мой народ, мой горький, мой убогий,
Едва дошли мы — ноша тяжела.

Не блещет храм убранством драгоценным,
И не видать прославленных мощей,
Здесь даже мало теплится свечей,
Все просто, и спокойно, и смиренно (4).

И настоятель служит не спеша,
Как старый голубь, кроток, бел и важен;
Напев пустынный долог и протяжен,
Но в пеньи изливается душа.

Когда гостей негладанных, незванных
Шумливые замолкли голоса,
Когда легла в лугах благоуханных
Тяжелая прозрачная роса,

Весь лес стал церковью, синеет и курится,
Уходят в небо мощные стволы,
И белочка на ветке шевелится,
Синицы свищут из зеленой мглы; (5)

Сама земля намолена годами,
Она хранит священный прах могил (6)...

мольцы направляются в Опт. пуст. ...лугом по левому берегу Жиздры, которую уже под самым монастырем переезжают на монастырском пароме... Река тихо плещется у парома" (стр. 9-11).

4) "Церковь эта отличается особенною простотою, ...напоминает обычный небольшой зал, очень чистый и светлый" (там же, стр. 18).

5) "Глубокая тишина леса нарушается лишь шорохом падающей ветки или звуком птичьих голосов... Всею грудью вдыхаешь чистый, легкий, ароматный луговой воздух, напоенный благоуханием трав и цветов" (там же, стр. 10-11).

6) Кладбище находилось между главными храмами Оптиной пустыни (см. Четвериков, стр. 14-15).

Вот по тропинке мелкими шагами
Идет старик, он немощен и хил,
Но блещет лик незримыми лучами (7).

И в львиной мощи старец Леонид,
Кротчайший к слабым, перед сильным — строгий,
С учениками по лесной дороге
Идет проведать новозданный скит (8);

Макарий с книгой (9), благостный Антоний,
И с посохом тяжелым Моисей (10)
Стоите вы под храминой ветвей,
Написаны искусно на иконе,
Иконе леса, неба и лучей.

7) Речь идет о знаменитом старце Амвросии (1812-1891). А. М. Гренков принял монашество в Оптиной пустыни, где был учеником старцев Леонида (Льва) и Макария (см. дальше). Продолжая издательскую деятельность последнего, О. Амвросий, несмотря на исключительно слабое здоровье, уделял, главным образом, свое время духовному, а иногда и житейскому, руководству. Каждое утро в его келью стекались представители, можно сказать, всей России. Несколько раз к нему приезжал Л. Н. Толстой. В 1878 г. его посетили Вл. Соловьев и Достоевский, изобразивший старца в образе Зосимы. В конце семидесятых годов О. Амвросий отдал много сил на устройство женской казанской шамординской пустыни (см. Четвериков, стр. 55-96).

8) Иеромонах Леонид (Наголкин, 1769-1841) прибыл окончательно в 1829 г. в новосозданный скит при Опт. пуст., где принял схиму с именем Льва и положил начало оптинному старчеству, несмотря на недоброжелательное отношение к этому монастырских и епархиальных властей. Физически О. Лев отличался своим богатырским ростом (см. там же, стр. 34-43).

9) О. Макарий (Иванов) принял монашество в 1810 году под руководством схимонаха Афанасия, ученика старца Паисия Величковского. В 1834 г., под влиянием О. Льва переселился в Опт. пуст., где стал помощником, а впоследствии и преемником старца (скончался в 1860 г.). Помимо старчества, О. Макарий взял на себя большой издательский труд. С помощью И. В. и Н. П. Киреевских он издал жизнеописание Паисия Величковского и переводы греческой аскетической литературы, сделанные последним. Личность О. Макария, его широкая культура сыграли решающую роль в сближении Опт. пуст. с представителями русской науки и литературы. Среди посетителей старца на первом месте стоит имя Гоголя (см. там же, стр. 44-54).

10) О. Моисей († 1862) и Антоний († 1865) (в миру Тимофей и Александр Путиловы) — первые начальники скита при Опт. пуст. О. Антоний заменил своего старшего брата, когда О. Моисей стал настоятелем Опт. пуст. (см. Четвериков, стр. 31-33, 55-56).

Розовеют скитские ворота,
И белеет хибарка твоя (11),
На воротах простой работы —
— Стерлись краски и позолота,
С черным враном пророк Илья;

И другие отцы пустынные
Предстоят на Святых вратах:
Лики узкие, бороды длинные,
Или крест или свиток в руках.

И когда отойдет повечерие,
Под Казанскую (12), жарким днем,
К этой маленькой бедной двери,
К этой старой хибарке придем.

Постучимся, и нам откроют,
И охватит такая тишь... (13)
Дорогое мое, дорогое,
За каким порогом ты спишь!

Пред иконой «Достойно» лампада
Затлевет красным огнем;
После знойного дня — прохлады,
После странствий — родимый дом.

Не одна я стою пред тобою,
Отовсюду — с русской земли,
Или с молитвою, или с сумою
К заветной хибарке пришли,

Из Тамбова и из Сибири,
Из Разяни и Соловков;
В неоглядной российской шири
Слышен шелест и шум шагов.

Та — румяная, в черном платочке,
Та — печальная, с бледным лицом,

11) "Внутри скит имеет следующее расположение: направо от св. врат находится знаменитая келлия старца иеросхимонаха Амвросия", описывает О. Сергей (стр. 18).

12) Казанской иконе Богородицы был посвящен "зимний храм" монастыря, один из главных в Опт. пуст. (см. Четвериков, стр. 14).

13) О. Сергей отмечает: "Прежде всего с наслаждением чувствуешь, что оторвался от городской, суетливой, духовно бесплодной, и утомительной жизни" (стр. 11).

Будь мне матерью, будь мне дочкой,
Будь сестрой мне, — мы вместе идем!

Та вчера схоронила сына,
Та безумной осталась вдовой,
А моя-то, моя кручина,
— Никогда ничего вполонину
В неизбывной борьбе с судьбой...

Я листок родимого дерева,
Зеленеет высокий ствол;
И идут они — жены и девы
Из далеких весей и сел.

Вся страна моя плачет и дышит
И вздыхает здесь горячо,
И плечо мое чутко слышит
Прикоснувшееся плечо.

В высокой шапочке на сединах,
С гранатовыми четками в руках,
И в старенькой твоей епитрахили,
Тебя я вижу через столько лет,
Как юности незаходимый свет!
Ты не забыл, лишь мы тебя забыли.

В смиреньи величавом он идет,
Благословляя плачущий народ...
Стань пред ним, как прежде, на колени!
Он, старый, слабый, медленно понес
Все наше бремя и грехов и слез
По этим стертým оптинским ступеням (14),

Он нес их в келью, дальше нес в тюрьму,
И дальше нес в бесславное изгнание,
У злого мужика на послушанье,
И умер у него в чужом дому.

Вот они, отшедшие братья,
В чуть заметном сквозном венце!
Изорвалось в дороге платье!
Ни кровинки в усталом лице.

По дорогам-то, по дорогам,
По острогам-то, по острогам,
Сколько выхожено путей!
Помолитесь же ради Бога
О душе смятенной моей!

14) Здесь опять появляются черты старца Амвросия (см. зам. 7).

Вот один рыжевато-русый
Поглядел, покачал головой,
Умирал он с молитвой Иисусовой,
Догорая свечой восковой;

Без друзей тосковал он в изгнании
И уже из последних сил
Он в смирении и покаянии
Имя Оптиной часто твердил.

Широка, прозрачна Пинега,
Зелены ее берега,
А пески-то белее снега,
А мягки — утонет нога;

В жаркий полдень, по травам длинным,
По зыбучим речным пескам
На полозьях везли домовину,
Был усопший светел и прям;

Русый волос с седым мешался,
Но казалось лицо молодым,
И тихонько он улыбался
Именинам небесным своим.

А за гробом плелась Ириша,
Послужила отцу она
Всех послушней, нежнее и тише,
И до смерти была верна.

И тогда-то в смертном томлении
Приподнялся больной и сказал:
«Вот какое к нам посещение!
Дай же стул» — и лицом просиял.

«Это старец Макарий (15), родная!
Он пришел исповедать меня!»
И горела заря, не сгорая,
Купиной золотого огня.

И незримая длилась беседа,
А Ирина не смела прервать.
Или бред? Но ведь не было бреда!
Или сон? — не ложился спать.

А когда духовник сокровенный
Отошел в предрассветную синь,
Лик спокойный, счастливый, блаженный,
Чуть желтел среди белых простынь.

15) См. зам. 9.

Оптина! Оптина! Оптина!
Отчий поруганный дом! (16)
Свет из окон заколоченных,
Свет на пороге твоём.

Все, что надвинулось страшное,
Все, что мне душу сожгло,
Здесь, под стеной многобашенной
Лугом зеленым легло.

К старцу на исповедь в очередь
Стану в последний ряд,
Пусть и для блудной дочери
Сосны твои шумят.

Пусть тишиной непостыдную
Твой открывается рай!
Белая, молниевидная,
Явственно заблестай.

Камни покрытые травами,
Главы, одетые славою,
Грозный Господень дом,
Весь в светоносном облаке,
В неизреченном облике
В мире восходит ином.

1937 г.

2. — Из цикла «Наши дети»

СРЕТЕНИЕ

Младенца мать несет в безбожный век
В униженную церковь. Слава Богу,
Что так выходит новый человек
На узкую и тесную дорогу.

Как старец Симеон приял Христа
И внес во храм, — так было и сегодня,
Когда прияла Церкви полнота
Свое дитя, — с ним благодать Господня.

16) В первые же годы Советской Власти Опт. пустынь была сперва разорена, а потом разрушена. (Ред.).

Но будущего знать нам не дано.
Грядущего не можем мы предвидеть:
Грозой чревато, может быть, оно —
Тебя научит Церковь ненавидеть.

А, может быть, духовен и могуч,
Ты станешь стражем истины Христовой.
Живи, сияя, как просвет из туч,
На подвиг предназначенный суровый!

ОТВЕТ

Наши девочки, мальчики наши,
Вы, идущие в первый класс,
Вас подводят к Христовой Чаше
В многих семьях в последний раз!

Банты белые в русых косах...
Ушки... Стриженные вихры...
Мир суровых детских вопросов
Начинается с этой поры.

Что мы скажем глазам открытым?
Совесть слушает наш ответ:
Или руки будут умыты?
— Где Он, мама? Иль Бога нет?

Вот стоит Он в белом хитоне,
Обнимая твоих детей,
Не на судище, не на троне, —
Он в глубинах души твоей.

Откажись от Него, — и громом
Не расколется небосвод.
Только свет из грешного дома,
Может быть, навсегда уйдет.

И заметишь ты это, едва ли:
Все заботы и суета...
Мы не раз уже предавали
И стыдились верить в Христа.

Но глядит Он из дальней дали
Весь изъязвлен и весь в крови:
— «Дети, дети Моей печали!
— «Дети, дети Моей Любви!»

В СУЕТЕ

Мы пришли от великой печали,
Все свое растеряв в суете.
Мы и подвигов не совершали,
На молитве ночей не стояли,
Забывали порой о Христе.

Слишком светлых чертогов не надо
Для давно огрубевших сердец,
Не под кущами райского сада,
Нам бы здесь постоять за оградой
И к ногам Твоим пасть, наконец.

Ради этого только мгновения
Мы к тебе спотыкаясь брели:
Мы последних времен поколенья,
Ослепленные дети земли!

ПОСЛЕДНИЕ (СОН)

Мы стоим толпой перед Тобой,
В стеганках, а девочки в шубейке,
Книги в сумке, — как ходили в школу.
Кто пришел с работы, кто из дому.
Только нет у нас благообразья,
Словно вырвались сейчас из давки
И опомниться еще не можем:
— Подходящей нет у нас одежды
Для чертога Твоего, Владыко!
Не молились мы и не постились,
О Тебе мы ничего не знали...
Как же нас к Себе Ты принимаешь?
«Средь крошечной суеты вседневной
Вы единый раз по Мне вздохнули...»
И земля ответила «Осанна»!

1962 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

“С нами Бог” — С. Л. Франк. Париж, 1964 г. Изд. YMCA-Press, 11, rue de la Montagne-Sainte-Geneviève, Paris-5e.

ДУХОВНЫЙ ОПЫТ БОЛЬШОГО ЧЕЛОВЕКА

Судьба русской культуры чудесна и трагична.

Чудесна — потому что в кратчайшие сроки мы достигли мировых высот. Трагична — потому что неповторимо ценное в ней было частью убито, частью искалечено Октябрьской катастрофой.

К тому времени, мы стояли в первом ряду Науки, Литературы, Музыки, Театра, а живопись наша, через таинственные прозрения, была у самого порога всемирного признания. Наша философская мысль возматала от силы к силе. Мыслители наши уже вступали в круг мыслителей мировых. В творчестве их было откровение духовного опыта русского народа, такого же откровения, как в нашей литературе, в нашей музыке. Разные по времени, но равносильные по значительности, два духовных источника, от славянофилов и от Владимира Соловьева, создали чудесное цветение нашей свободной мысли русского Серебряного века. Быть-может, мы были в преддверии русской эры...

“Было... было... Душу просверлило
Это слово: было — и навеки!”

Немалое утешение в том, что мыслители наши, здесь, среди нас, дарили мир своим творчеством. Н. А. Бердяев, о. Сергей Булгаков, Н. О. Лосский, Лев Шестов, С. Л. Франк...

Именно о Франке я хотел бы сказать сегодня несколько слов. Не о философской системе его, о которой о. Василий Зеньковский пишет: “Считаю ее самым значительным и глубоким, что мы находим в развитии русской философии”. Но о философе “всеединства”, своеобразном русском платонике и интуитивисте. Но о Франке, рассказывающем нам в чем его вера, почему и как он верит в Бога, исповедует Христа. Книга “С нами Бог” написана Франком в конце 1941 года, во Франции, “в страшное время разгула адских сил на земле”, как пишет он сам. Это — книга личного духовного опыта, написанная, чтобы “уяснить подлинное благодатное существо веры и Божией правды”. То-есть, книга о том, что встает по временам, с непреодолимой силой, перед каждым из нас.

С. Л. Франк делится с нами своим самым дорогим.

Он восстает против веры, основанной на рассуждении, на выборе между более или менее вероятным и, тем более, против веры, как акте послушания, доверия к авторитету, как бы это ни было заманчиво. “Психологическое объяснение не есть оправдание по существу” и приводит к порочному кругу.

Напротив, для Франка, вера есть “непосредственная достоверность, прямое и непосредственное усмотрение истины веры”. Вера есть, прежде

С. Л. Франк. “С нами Бог”. (Три размышления). Изд. YMCA-Press, Париж, 1964 г. 11, rue de la Montagne-Sainte-Geneviève.

S.L. Frank. «God With Us». London. 1946. «Dieu est avec nous». Paris. 1955.

всего, “встреча человеческой души с Богом, явление Бога человеческой душе”. А достоверность дается внутренним опытом. Конечно, это не опыт вещей и явлений, а опыт сверхчувственный. Но ведь опыт эстетический и нравственный — тоже сверхчувственны. Между тем, никто не станет отрицать их реальности. За музыкальными звуками, чувственно данными, — их красота, самое существо музыки. А подвиг любви воспринимается “не глазами и не ушами, а непосредственно нашей душой”. Сверхчувственный опыт встречи с Богом бесконечно далек от путей доказательств бытия Божия. И об этом опыте у Франка вдохновенные слова, мысли тонкие и глубокие, как, в сущности, о всех его темах, в его удивительной книге. Но он ни на миг не забывает, что этот личный опыт сосуществует с положительным откровением. “Истина здесь, как и всюду, есть не суждение о реальности, а живое присутствие для нас самой реальности”. И если Бог может являться нашей душе изнутри, то Он может открываться ей и извне: “Мы можем встретиться с Ним в лице Существа, в Котором Он явственно для нас присутствует и воплощен”. Поэтому, христианская религия — абсолютная религия. А “положительное откровение бесконечно богаче, полнее, глубже, чем когда-либо может быть какой-либо одиночный, личный опыт”. И оно переживается, как религиозный опыт.

Франк говорит о парадоксальной правде христианства: Христос — “для иудеев соблазн, для эллинов безумие”. Когда забывают об этой парадоксальности, не переживают всем сердцем правды Христовой, то появляется омертвление, церковные привычки внешнего благочестия. И мир безбожный не прозревает святости, любви, жизненной мудрости, что таятся в глубине Церкви. А между тем, именно христианство — источник тех ценностей, что живут в этом мире, “всякий, кто ищет правду и тоскует по ней... имеет в своем сердце Христа, хотя сам того не знает”. Кающийся грешник встречается Господом с большей радостью, чем праведник, потому что “основное отношение Бога к людям есть отношение не суда, а любви”. Так человек обретает себя: каждая человеческая личность сама по себе есть святость; и кроме того, человек имеет истинный смысл своего существования в служении Святине.

Франк переживает христианство, в своем разуме и сердце, как религию личности, Богочеловечности и любви. Один из парадоксов христианства — любовное приятие мира и, одновременно, аскетическое отвержение его, как “во зле лежащего”, ради “сокровища на небесах”. Однако “сердце, покинувшее мир, чтобы жить Богом и гореть Богом, тем самым горит любовью ко всем людям и, обратно, сердце, горящее истинной любовью к людям, тем самым горит в Боге и живет Богом”.

Слова Франка о любви — полны света и силы. Отношение его к проблеме о “непротивлению злу” исходит из его понимания евангельской нравственности, которая “не есть закон, повелевающий или запрещающий определенные действия, а есть указание верного пути к совершенствованию внутреннего строя души”.

Подходя к идее теодицеи — оправдания Бога за зло в мире, — Франк с негодованием отвергает попытки теодицеи рационалистической и морализирующей, осужденной Самим Богом в книге Иова. “Здѣсь мы стоим перед последней границей постижимого”. Идея сошедшего в мир, страдающего Бога — единственная возможная теодицея”. О смысле и

возможности искупительной жертвы даны Франком мысли исключительной глубины и убедительности. "Путь креста" указывает и нам, "чтобы мы стали активными соучастниками искупительной жертвы" Христа. И при этом, от полноты веры, от встречи со Христом — светлая, чудесная радость.

Сказав о вере, сказав о парадоксальной правде христианства, Франк говорит далее об осуществлении веры, размышляя о Церкви (оригинальные и волнующие мысли о двойном аспекте ее), о христианской активности в мире, о христианском возрождении. Он превосходит те идеи, которые, в наши дни, дали новую убедительность обетованию христианского единства. К этому звал Франк "в дни разгула адских сил" Поистине — "Из глубины воззвах к Тебе, Господи!" Во всей книге Семена Людвиговича Франка — духовная взволнованность и сила мысли. Он пишет по крайнему своему разумению, как свободный христианский мыслитель, будя и тревожа мысль каждого из нас. Читая его, будем верны дорогому ему завету свободы. Живое, творческое общение с Франком будет нам дорого и ценно.

Нельзя рассказать книгу "С нами Бог", как нельзя рассказать симфонию звуков или красок. Можно лишь попытаться дать почувствовать всю значительность ее, всю необходимость, для нас всех, прочесть ее со встречной духовной взволнованностью.

Сергей Жаба.

Митрополит Владимир — Святитель-Молитвенник (1873-1959), Изд. журнала "Вечное".

Книга эта действительно духовная, как ее назвал в очень хорошей статье прот. Л. Касперский на страницах американской газеты "Новая Заря".

Благодатная радость и благодатная скорбь зажигают сердце при чтении некоторых ее страниц. Книга достигает главной своей цели: образ митрополита Владимира встает перед нами в своем единстве и в своей многогранности, определяемой его разнообразной деятельностью. И все это, конечно, поучительно.

Наиболее цельное впечатление, производит первая глава, в которой описывается детство, семья, учение, приятие монашества и священного сана (1873-1897). Существование такой богоизбранной семьи, каковой была семья протоиерея Михаила Тихоницкого, явление великой духовной ценности. Семья эта дала двух христианских мучеников, двух святителей и еще других скромных, верных работников на ниве церковной.

С жадностью ловишь подробности жизни такой семьи и сожалеешь, что не было возможности собрать их больше. Мало надежды, что и в будущем удастся полностью восстановить многоликую Икону этой семьи. Может быть таких семейств в России, в духовной среде, бывало уж не так мало, но духовная слава их остается сокрытой от мира.

Только погружаясь в глубокую древность, можно найти примеры таких семейств — у нас, например, семья преп. Сергия Радонежского, а на Востоке, в IV веке, например, семья св. Василия Великого.

Миссионерская деятельность митрополита, тогда еще молодого иеромонаха, среди киргизов, также незаурядна, и опять жалеешь, что так мало дошло об этом до нас. Вовсе замечателен рассказ о чуде у озера — зная, каковы бывали святые русские миссионеры и каков был Владыка, знаешь, что иначе быть и не могло.

Потом Прага — епископ выброшен в незнакомый город, ночью, в пустоту, — этот случай мы знаем уже из других источников... и все-таки вновь и вновь он нас поражает. И это все также иначе не могло быть, потому что это так именно и устраивает Бог. Ночь, пустота, беспомощность, край бездны, но молитва и вдруг — милость, нечаянная радость! Господь ведет своих избранных, каждого по особому и, все-таки, мы можем догадываться, где именно сказывается сила руки Божией. При полной свободе божьего произволения, оно проявляется для нас в некоторой священной закономерности, образы которой нам даны в истории Ветхого и Нового Завета, в житиях святых, и даются в нашей собственной жизни.

Когда нам удастся это понять, уловить подобное здесь, около нас, когда мы можем сказать: — "Да, здесь рука Божия", — страх и радость, блаженный страх проникает в нашу душу.

Подобные переживания и вызывают некоторые страницы книги о митрополите Владимире, как вызывали их некоторые встречи с ним, тогда в особенности, когда он в ответ на просьбу дать указания и советы, тут же усердно помолясь, давал эти указания, нередко неожиданные, иногда пророческие.

В книге запечатлено, далеко не всем известное, благожелательное отношение Владыки не только к людям, к детям в особенности, но и к животным и к природе.

Уменьшительная форма слов, которой часто пользовался он, в других устах показалась бы сентиментальностью, утрировкой, но в его устах — она отражала его светлую умиленную любовь. Истинная духовная любовь всегда внимательна, она зорко видит и наблюдает все, что облюбовала. Описание природы, сделанное в одном письме митрополита, поражает подробностями. Автор не хочет ничего пропустить, стремится все отметить, все наименовать — и это потому, что для просветленного духа самое наименование есть ласка, хвала — дело любви.

Священники, докладывавшие Владыке о своей деятельности в летних детских лагерях, поражались, с каким вниманием расспрашивал их Владыка о жизни лагеря и самих детей. Казалось, он хотел увидеть своими глазами все, что там происходило. Здесь бывал он не чужд юмора. Он ценил забавное, в особенности в детях, знал, что и забавное может украсить человека.

В отношении тех, кто написал эту книгу, нельзя не повторить слов того же протоиерея Л. Каперского: "Книга исключительной духовной чуткости и любви к Святителю". В упрек составителям, но не столько им самим, сколько их некоторой литературной неопытности, можно все же поставить перегрузку книги юбилейными приветствиями (вовсе неудачными стихотворениями) и протокольными записями о тех или иных очередных службах, требах, посещениях. В качестве некоторой хронологи-

ческой канвы, эти записи — если бы поместить их в виде приложения — конечно могли бы иметь цену для будущего исследователя.

Что касается административной деятельности митрополита, то тут некоторые включенные в книгу документы исторического значения вполне уместны. Благодаря им деятельность Владыки выступает рельефно на историческом фоне.

Здесь не место оценивать историческое значение его как епископа. Все же нельзя не сказать, что в области церковного управления, благодаря его светлой духовности, он занял наряду с митрополитом Евлогием крупное место в истории вверенной ему Церкви. Да только ли этой нашей Церкви?

Еще раз приведем слова протоиерея Л. Касперского: “Он (Владыка) твердо стоял на страже канонической правды, но эта каноничность не была мертвой буквой канонического параграфа, а исходила из глубокой любви к Русской Православной Церкви и спасения души человеческой. Истина церковная была соединена с милостью и любовью и благом Церкви”.

Нельзя к этому не добавить, что эта любовь к Церкви выражалась у Владыки в глубоком сознании ее Соборной Природы и святости основных законоположений, определяющих жизнь нашего Экзархата.

Уже в Ницце он собирал Пастырские Собрания и в Ницце же, когда во время войны он был отрезан от Парижского Центра, он прежде всего организовал “Епископский Совет” из авторитетных священников.

В Париже Владыка также собирал Пастырские Собрания и работал вместе с созываемыми им Епархиальными Собраниями и Епархиальным Советом.

Опираясь на голос епархии, он, после кончины митрополита Евлогия, принял свое историческое решение, а в 1949 году, совместно с Епархиальным Собранием издал обращение ко всем, пребывающим в Западной Европе православным, в котором так ярко выражено церковное сознание нашего экзархата, опирающегося на незыблемый принцип поместного церковного устройства.

В заключение нельзя не добавить — и это тоже так ярко показано в книге, — что Владыка был необыкновенно прост и доступен. Каждый, в частности, священнослужители всегда могли прийти к нему делиться своими горестями и затруднениями и получить от него указания и советы. Владыка знал, что любовь есть общение.

Книга о митрополите Владимире ценна также и своим объективным изложением многих исторических событий, в частности — сопровождавших кончину в Бозе почившего Святителя.

Протоиерей А. Семенов Тянь-Шанский.

Свящ. Георгий СЕРИКОВ

**О НОВОМ БЕЛЬГИЙСКОМ (УНИАТСКОМ) ИЗДАНИИ ЕВАНГЕЛИЯ
В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ С ПАРАЛЛЕЛЬНЫМИ ТЕКСТАМИ
И ПРИЛОЖЕНИЯМИ**

**756 страниц — 1965 г. — 25 Фр. Издательство “Жизнь с Богом”:
206, av. de la Couronne. Bruxelles.**

Довольно сложное — радостное и вместе с тем неприятное — чувство рождается у православного читателя (особенно у богослова и пастыря) при ознакомлении с недавно вышедшей в Брюсселе книгой “Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа”, (в русском переводе с параллельными текстами и приложениями).

Держа в руках эту прекрасно изданную книгу, душа радуется, видя большие, бесспорные ее качества: Она напечатана на тонкой “библейской” бумаге, в эластичном, непромокаемом переплете. Жаль только, что текст Нового Завета дан хотя и по новой орфографии, но старый, неисправленный, перепечатанный с перевода, сделанного в России больше ста лет тому назад, а не новый перевод, исполненный трудами Православной Богословской Академии в Париже, который частично уже вышел в 1963 году, а весь выходит на-днях. Издание этого вновь скорректированного по древнейшим рукописям русского перевода, предпринятого Британским Библейским Обществом, есть благое и большое христианское дело, и жаль, что бельгийский издатель поторопился, не дождался и не воспользовался этим новым переводом. Такая несговоренность и не солидарность в добре очень досадна в век экуменизма!

В новом бельгийском издании весь новозаветный текст разбит по содержанию на параграфы (что весьма облегчает нахождение текста при изучении Евангелия) и снабжен указаниями параллельных мест, сгруппированными около параграфных заголовков — что не загромождает текста ссылками на детали. Очень приятно видеть обозначения глав напечатанными большими цифрами, а не так, как это иногда делается даже в таких замечательных изданиях как издании Библейской Школы в Иерусалиме, где приходится иногда подолгу шарить глазами по странице пока отыщешь начало главы! Порядок новозаветных книг сохранен таким, к какому привык русский читатель (т. е. “Соборные послания” помещены после Деяний Апостольских, а не после послания к Евреям — как это принято в изданиях на Западе). Хотя во Введении на стр. 7 издатель этому противоречит. Вторую половину книги занимают очень ценные

- а) примечания к тексту,
- б) краткий предметный богословско-аскетический справочник по Новому Завету,
- в) указатель хронологической последовательности евангельских событий в согласовании со всеми евангелистами (Синописис) с
- г) указанием, к какому времени относится то или иное евангельское событие, а так же
- д) указатель по темам,
- е) хронологическая последовательность и других новозаветных писаний,

ж) очень ценный указатель **новозаветных ссылок на Ветхий Завет** — что очень важно для свидетельства о связности Нового Завета с Ветхим, т. е. для свидетельства Единства Библии.

Кроме того, в книге, между прочим, находится еще

з) краткое резюме по **палестиноведению**,

и) весьма ценный список древних **рукописей** новозаветных книг,

к) православный **календарь**, указывающий новозаветные чтения на литургический год, и в конце книги

л) краткая **“Симфония”** с именным и предметным указанием к Новому Завету.

Душа радуется, видя весь этот большой и ценный труд, принесенный во славу Божию и на пользу людям для ознакомления их со Священным Писанием и для облегчения его изучения. Да воздаст Господь должное нашим братьям, потрудившимся столь много на общее дело служения Слову.

Но, вместе с тем, к радостному чувству, которое испытывает православный русский читатель, видя новую книгу, примешивается странное чувство недоумения и досады: Почему это бельгийское издание Нового Завета “униатское”, а не просто католическое?! Как жаль, что, наряду с большими качествами издания, повсюду сказывается типично униатская мешанина и неразбериха! С одной стороны, всем ясно, что в новой книге толкования Евангелия явно католические. Ну и что же, это не плохо. Но зачем католику утаивать, что он католик? Разве это дурно и стыдно для католика быть католиком? И мы знаем массу прекрасных католических изданий Библии с католическими комментариями, которые никого из инославных не смущают, а только радуют. В век Экуменического Движения разность конфессий рассматривается нами хотя и как прискорбный, трагический факт, основанный на недоразумениях и людских погрешностях истории, но который, по вере нашей, должен быть изжит честно, без фальши, лукавства, при доверчивом и правдивом отношении к искреннему верованию брата во Христе иной конфессии, с открытой душой собственного исповедания. А в новом бельгийском издании, вместе с явными католическими толкованиями, обращают на себя внимание многие штрихи “униатского” духа. Так, например, в начале книги, хотя и есть католическое «*imprimatur*», но тут же стоит и двусмысленное “С разрешения церковных властей”.

Почему бы католическому издателю “Жизнь с Богом” не сказать просто, что мол книга напечатана с разрешения католических властей?

Зачем в новом издании, вместе с католическими комментариями текста (чего может не увидеть только лишь самый невежественный приговоришка), помещен **православный** Указатель евангельских и апостольских чтений на год. А в примечании к нему нигде не сказано, что этот церковный годичный цикл чтений православный, а вовсе не католический? На каких читателей рассчитан этот Указатель, на католиков или на православных? — Конечно, не на католиков (ибо в католической церкви чтения иные), а на православных, с целью расположить их к католичеству! Но дело в том, что в наш экуменический правдивый век откровенного желанья сближения между христианами, такими средствами к католичеству расположить больше нельзя! И вообще прозелитизм никак не вяжется с экуменизмом!

Почему, поместивши новозаветные книги в привычном для русских православных порядке, в Введении издатель себе противоречит и говорит о плане расположения книг согласно западному обычаю — т. е. помещает Соборные Послания после послания к Евреям, а не после Деяний? Это, конечно, мелочь, но свидетельствующая об умышленной “униатской” неразберихе и двусмысленности, способствующей напустить туману в головы невежественных русских читателей, показав им, что мол никакой разницы между католичеством и православием нету и что можно “ничтоже сумняшеся”, оставаясь так сказать православным и принимая “церковные расписания православных” (стр. 9), разделять вместе с тем и католические убеждения.

Униатская двусмысленность сказывается в тех местах, где употреблено слово “Церковь”, ибо не ясно, о какой Церкви тут говорится, о католической или о православной. Так, например, во Введении, в котором сообщаются некоторые сведения относительно новозаветного текста, переведенного русскими академиями и изданного русской православной Церковью, в конце 7-й страницы опровергается распространенная клевета на “Церковь”, что она будто запрещала чтение и изучение Свящ. Писания. Так как православная Церковь такого запрещения никогда не делала, то всем ясно, что тут дело идет о Церкви уже не православной, а католической. Поэтому автор Введения в опровержение клеветы на католическую Церковь сам приводит в виде аргументов энциклики пап, а не какие-нибудь решения русского Свящ. Синода по этому вопросу.

Проглядывая книгу, невольно спрашиваешь: Какой национальности сам издатель новой русской книги и к читателю какой национальности он обращается? По-видимому, он русский, ибо он называет Игнатия Брянчанинова “отечественным” подвижником; Россия называется “нашей Родиной”, на страницах комментария даются многие и подробные указания русских довоенных синодальных изданий, по этим изданиям делаются и цитаты свв. Отцов (хотя “практичнее” было бы, кажется, для читателя, живущего на западе, указать на прекрасные издания католические по патрологии, ибо где же найти ему эти довоенные русские книги?!). Но, с другой стороны, в библиографии (стр. 11) не указан ни один православный русский комментарий, ни одно православное богословское издание!

Мы живем в век Экуменического Движения, в исключительный и знаменательный век не только “атомной бомбы”, но и Экуменического Движения. Есть две огромные актуальности нашего века: Атомная бомба и Экуменическое Движение. Только одна актуальность негативная, скорбная, а другая — положительная и радостная. И той и другой актуальности, как отрицательной, так и положительной, невозможно отрицать, их игнорировать или умалять! Как атомная бомба есть огромный Дамоклов меч над миром XX века, так и Экуменическое Движение есть скромный светоч христиан, живущих на земле. Ибо если христиане не будут едины, то мир не поверит во Христа — как об этом ясно открыто в Евангелии. Христос молился о нашем единстве и говорил, что это единство послужит к уверованию в Него всех людей, населяющих земной шар. Он нам говорил: “Для того чтобы” (“дабы”, «*afin que*») мир поверил, мы должны быть едины (Ио. XVII, 21).

Униатство в век Экуменизма больше не мыслимо, да и просто не целесообразно! Наивный прозелитизм, рассчитанный на людское невежество, отжил свой век, и больше никакие уловки и “благовидности” никого из “еретиков” в свою конфессию не приведут и при их помощи желанного “единства церквей” никогда не наступит! Прозелитизм и униатство являются отсталым и странным игнорированием Экуменизма!

В нашу эпоху феноменального сумбура разных идеологий и мировоззрений (может быть объясняемого отчасти легкостью сообщения сведений и быстротой передвижения) все же можно с радостью заметить общее стремление людей к правдивости. Даже не верующие ни во что и все отрицающие люди хотят в наше время быть правдивыми, хотят поведать другим о своей экзистенциальной “правде”. Даже официальное безбожие, не признающее никакой объективной Правды, никаких общечеловеческих догматов и узаконений, имеет все же свое собственное представление о правде и постоянно упрекает других во лжи и неправде.

На наших экуменических встречах мы уже давно отказались от первоначальных методов, “сглаживающих” или вовсе упраздняющих конфессиональные несогласованности. К Правде стремиться можно лишь правдиво. В наш век нет никакого смысла лютеранину стесняться или утаивать то, что он лютеранин, а католику — что он католик. В наше время, без зазрения совести и “ничтоже сумняшеся” христиане разных конфессий могут пользоваться прекрасными изданиями Библии, сделанными трудами католиков или протестантов, если при этом учитывать все те особенности, с которыми будут связаны эти издания. Если знать, например, что монументальное издание *Bible du Centenaire* сделано протестантами, то все комментарии этого издания (конечно, в протестантском духе), не потеряют своей объективной ценности и будут полезны для христиан всех конфессий. Если знать, что Библия, изданная трудами монахов в Маредсу, или Библия издательства Плэйд, под редакцией Эдуарда Дорма, суть Библии католические, то большая интерконфессиональная ценность этих изданий ничуть этим не умалится, ибо в них ясно и открыто сказывается добросовестный католический подход к Библии.

В бельгийском издании Евангелия с комментариями нет открытости своего исповедания. Нигде не говорится открыто, что новое Евангелие с комментариями есть издание католическое и что “Церковь”, о которой в нем говорится в толкованиях, есть Церковь не православная, а римско-католическая.

Самому читателю предоставляется необходимость разобраться в неясном вопросе, кто же этот бельгийский издатель Евангелия с комментариями? То ли издатель есть наш соотечественник, но католик? То ли католичество есть то же самое, что православие, и тогда униатство есть естественное и желательное разрешение конфликта между двумя конфессиями? То ли никакого конфликта между ними и нет, а если и был, то его нужно замазывать и смягчать, и все будет «All right!» во славу Божию!

Зачем эта униатская неясность и двуликость? Не лучше ли открытое, правдивое и искреннее свидетельство об истине в экуменическом духе нашего времени!

ХРОНИКА

ОСТАНКИ ПЕРВОАПОСТОЛА ПЕТРА

Почти четверть века делятся раскопки под собором Св. Петра в Ватикане. Лишь недавно (в конце февраля с. г.) поиски останков Первоапостола Симона Ионина, названного Самим Господом “Кифа” — камень (Petrus = камень), известного под именем Св. Петра, — принявшего крестную смерть при Нероне в 64 г. (?) и погребенного под величайшим ныне храмом не только Католичества, но и всего христианства, — поиски эти увенчались полным успехом! Известно, что католическая церковь считает апостола Петра Наместником Христовым на земле, на основании поручения Самого Господа Иисуса, повелевшего ап. Петру (при Своем третьем явлении после воскресения из мертвых) и трижды повторившего Свое повеление “паси овец Моих” (Ио. 21,15-17).

Поэтому понятно рвение, с каким группа немецких и итальянских археологов, под руководством монс. Людовика Каас, начала в 1940 году, по поручению папы Пия XII, раскопки под храмом Св. Петра в Ватикане (Риме). Вскоре действительно была обнаружена гробница апостола и надгробный камень (памятник), на глубине 15 м. под главным алтарем — «Confessio» — собора, о чем известил «urbi et orbi» папа Пий XII: “...найденные под «Confessio» памятник и гробница, по всем данным науки, хранили останки Первоапостола”. Во время мировой войны это известие прошло мало замеченным даже в Европе, тем более, что самих останков тела апостола в гробнице не было. Однако, этой исторической находкой подтвердилось тысячелетнее церковное предание о том, что первая базилика ап. Петра была построена императором Константином Великим в IV веке, точно над гробницей апостола, на древнем языческом кладбище. Действительно, самое место сооружения (постройки) сравнительно большой для того времени базилики указывало на это. Место было явно весьма неудобным для постройки храма: он был сооружен не на обширной и сравнительно плоской вершине Ватиканского холма и не у подножья его, в долине южной стороны, а на крутом склоне холма, для чего необходимо было скрыть, с одной стороны, значительную часть самого холма, а с другой стороны — возвести очень высокий (до 12 м. высоты!) каменный фундамент. В 1590 г. был закончен постройкой и ныне величайший в мире храм Св. Петра, на месте уже ветхой базилики, при чем, главный алтарь его под центром грандиозного купола, построенного по проекту и под руководством гениального Микельанджело Буонаротти, сооружен точно над той же, уже тогда скрытой в подземельи, гробницей первого римского епископа, ап. Петра. Археологическая комиссия Ватикана начала сразу после войны продолжение раскопок, под руководством того же монс. Л. Каас. Но найти останки апостола в обширных катакомбах под храмом ей не удавалось. Лишь совсем недавно итальянке — ученому археологу, г-же Маргарите Гуардиччи удалось доказать, с полной достоверностью, что обнаруженные ею в 50-х годах останки, состоящие из обломков костей скелета и черепа, смешанных с землей и полуистлевшими клочками материи, несомненно принадлежат Первоапостолу. Останки эти находились в небольшой нише размером 71 × 31 × 29 см.,

вблизи самой гробницы. Эта ниша, сделанная из мраморных плит и замурованная первоначально мраморной же плитой, была обнаружена в стене, покрытой древними надписями, и находится на небольшой высоте от пола катакомбы. Г-же Маргарите Гуардиччи удалось обнаружить внутри самой ниши, на задней ее стене, едва заметную надпись, сделанную, вероятно, умышленно, каракулями: "здесь лежит Петр". Останки из ниши и землю, смешавшуюся с ними, исследовали долгое время не менее десятка ученых археологов, антропологов, палеонтологов и химиков, кроме знатоков античных древностей. Ими, с полной очевидностью, установлено, что обломки костей принадлежат скелету рослого мужчины, в возрасте 60-70 лет, сильного телосложения, что обломки пролежали не менее 1900 лет в земле и кости частично смешались с нею. А земля оказывается та же самая, что была раньше (в 40-х годах) обнаружена в пустой гробнице ап. Петра. Исследование клочков ткани показало, что первоначально ткань была пурпурного цвета, протканная золотыми нитями. Очевидно, тело апостола и епископа положено было в гробницу завернутым в эту драгоценную ткань! При сооружении первой базилики, при имп. Константине Великом, останки апостола были перенесены в нишу, сделанную в стене катакомбы, почти рядом с гробницей, что облегчало моление паломников в подземельи и хранило останки от язычников-варваров, уже тогда угрожавших Риму.

"Еще: подобно царство небесное сокровищу, скрытому в поле, которое найдя человек утаил и от радости о нем идет и продает все, что имеет, и покупает поле то" (Матф. 13,44).

(Составил, по немецким источникам, Н. А. Купфер).

"ЛОЛОВАИ"

Паломничество по островам Великого Океана

Июнь-сентябрь 1965

В далекие годы моего отрочества, когда я учился в Поливановской гимназии в Москве, я выбрал Полинезию, как место моих будущих странствований. Темная синева тропического океана, зеленые воды лагун, золотой песок пляжей, обрамленных стройными пальмами, казались мне в моем воображении самыми прекрасными местами мира. Революция и годы скитаний сделали Полинезию несбыточной мечтой. Прошло пол столетия, и нам с женой удалось увидеть острова Тихого Океана. Мы нашли на них не только изумительную красоту природы, но и другие ценности, о которых я и не думал в начале моей жизни.

Первые пять месяцев 1965 года мы провели в Америке — Университет Айова (Iowa), где я имел назначение преподавать Православное Богословие. В Соединенных Штатах мы оба получали приглашения читать лекции о нашей Церкви и в других университетах. За время нашего пребывания в Америке мы исколесили ее во всех направлениях. Все растущий интерес к Православию часто остается там без ответа, так как, несмотря на сравнительную многочисленность членов нашей Церкви в Америке, духовенство и миряне лишь в редких случаях готовы знакомить западных христиан с сущностью Восточной Традиции.

По окончании семестра в Айове мы отправились в Сан-Франциско, где Англиканский Епископ Северной Калифорнии пригласил нас говорить о нашей Церкви на конференции его духовенства, специально для этого созданной. Три дня, проведенных в живом обмене мнений, показали, как близки нам по духу и мировоззрению многие Епископалы.

Добравшись до берегов Великого океана, мы решили возвращаться в Европу, двигаясь дальше на Запад и, таким образом, моя юношеская мечта увидеть Полинезию получила свое неожиданное осуществление. У нас было весьма смутное представление о тех островах, которые лежали на нашем пути, но зато мы обладали списком лиц, которые хотели встретиться с нами как с членами Православной церкви. Эти лица были или участниками Содружества Св. Албания и Св. Сергия Радонежского или знакомые наших американских друзей. Перед тем как пуститься в далекое странствование, мы заручились обещаниями, что всюду нас встретят и примут у себя миссионеры или местные христиане и помогут нам познакомиться с жизнью Церкви в этой отдаленной части света.

Одной из главных целей нашего паломничества было изучение того, как христианство, принесенное на эти острова миссионерами с Запада, акклиматизировалось в среде, столь непохожей на Европу и Северную Америку. Неожиданно для нас, кроме этого изучения, мы оказались в роли глашатаев Православия. В течение четырех месяцев нашего путешествия мы должны были по нескольку раз в день говорить о нашей Церкви и отвечать на бесчисленные вопросы о ее учении, богослужении и общем подходе к жизни. Этот интерес к Православию, это желание ближе познакомиться с ним было для нас полной неожиданностью. Такими же драгоценными открытиями сделались для нас высокая христианская настроенность местных жителей и та самоотверженность и любовь к своей пастве, которую мы нашли у миссионеров как англикан, так и методистов, лютеран и римо-католиков. Подробное описание всего виденного и пережитого нами потребовало бы целой книги, и в этой статье нам приходится ограничиться общими итогами.

Наше путешествие подразделялось на три части. Первая его треть познакомила нас с островами Тихого океана: Гавайскими, Самоанскими, Тонгскими, Фиджийскими, Гибридными, Соломоновыми, с Новой Британией и Новой Гвинеей. Вторая часть была заполнена Австралией, третья — Филиппинскими островами и Дальним Востоком — Хонг-Конгом и Сиамом.

С первого момента нашей высадки на Гавайских островах мы были покорены радушием гавайцев. Сияющий и черный гавайский протестант-пастор Авраам Акака встретил нас с пряно-пахнущими гирляндами цветов и поселил нас в своем гостеприимном доме. Он оказался старым другом нашей Церкви, еще со съезда в Амстердаме, в 1939 году. Он устроил для нас ряд лекций и проповедей, которые всюду имели большой успех. Гавайские острова являются теперь одним из штатов Северной Америки, но их население, кроме гавайцев, имеет много японцев, китайцев и жителей соседних островов.

Покинув Хонолулу, мы погрузились в тот новый для нас мир, который скрывался под именами "Полинезия" и "Меланезия". Оставив позади отели, туристов и бесчисленные автомобили, в течение двух месяцев

мы жили на маленьких островах вулканического или кораллового происхождения, затерянных на огромных пространствах Великого океана. Когда-то долгие дни морского пути отделяли их друг от друга. Теперь самолеты приблизили их настолько, что трех- или четырехчасовой перелет, иногда на маленьком шестиместном аэропланчике, переносил нас на ближайший архипелаг. Все эти острова и похожи и непохожи друг на друга. Тот же океан, те же пальмы, те же коралловые рифы, но каждый из них имеет свой неповторимый образ, свой язык, свои обычаи. Самой главной чертой этих островов является бурный прирост населения. В начале нашего века полинезийцы и их более черные соседи меланезийцы вымирали. Казалось, они были неспособны найти свое место в новом для них мире европейской цивилизации, с ее болезнями и техникой. Теперь картина резко изменилась. 75 процентов населения этих островов состоит из детей и подростков до 15-летнего возраста. Все население приняло христианство, у всех жажда образования, и школы ломаются под натиском живой одаренной молодежи, желающей найти свое собственное место в современном мире. Так, например, Тукуалофа, столица Тонги, кажется одной огромной школой. Улицы этого городка залиты потоком мальчиков и девочек в ярких школьных формах. На всех островах нам пришлось говорить школьникам и о Православной церкви и о России, и их жадные вопросы показывали их горячее желание знакомиться с другими церквями и народами.

Самыми интересными были для нас наши встречи с студентами богословских колледжей. Некоторые из этих колледжей напоминают скорее деревню, так как большинство студентов женаты и имеют детей. Каждая семья занимает комнаты, служащие спальней, кухней и баней. Кроме того, они сами растят свою пищу; поэтому один такой колледж занимает большое пространство и может состоять из нескольких деревушек. Мы провели целую неделю полную лекций и бесед в двух таких семинариях: одной англиканской, на маленьком острове Гела Соломоновского архипелага, и другой Методической, на острове Новой Британии; многие другие колледжи мы посещали более кратко. Студенты всюду оказались живыми и часто — яркими и талантливыми. Они характерно отражают растущее желание всего населения найти свои собственные формы культурной и церковной жизни. Тихоокеанские островитяне собраны в своих обычаях; индивидуализм Запада не созвучен им. Вот поэтому Православная церковь — с ее почитанием святых, с ее молитвами об усопших — всегда находила живой отклик в их среде.

Все острова, посещенные нами, очень красивы, но самое сильное впечатление произвело на нас место, называемое "Лоловай", на острове "Амба" Гибридного архипелага. Добрались мы туда с трудом. Восемь часов наш маленький моторный катер бился с огромными волнами Великого океана, казалось иногда, что он не выдержит неравной борьбы, но наш черный капитан спокойно вел его к намеченной цели. Высадились мы в полной темноте и только на утро мы увидели захватывающую красоту "Лоловай". Поселились мы в доме англиканского миссионера отца Дерек Роклиффа, человека большой молитвенной силы и отданности своей пастырской работе. Он живет на берегу зеленого залива, образованного океаном, прорвавшимся внутрь потухшего вулкана. Его отвесные черные скалы под прямым углом уходят в глубину моря, а за ним

сверкает на солнце темно-синий океан. Весь остров, покрытый бурной тропической растительностью, состоит из кратеров, внутри некоторых лежат озера, отражающие вечно меняющиеся облака. Этот остров — поистине жемчужина островов Океании — проникнут светом христианской веры. Оттуда началась проповедь Евангелия Англиканскими миссионерами, там же нашел смерть один из ранних проповедников. Теперь на этом острове построены школы, больница и колония прокаженных, лесопилка и плантации кокосовых пальм. Отец Роклифф, легкий и подвижный, всеми любимый и почитаемый, ведет жизнь подвижника.

Перелет в Австралию перенес нас в иной мир молодой, богатой страны, полной энергии и уверенности в своем будущем. Мы остановились в Сидней и Мельбурне и там мы нашли тот же интерес к Православию. Я был особенно удивлен вниманием, оказанным мне римо-католиками. Я прочел несколько лекций их семинаристам и послушникам различных монашеских орденов. В Австралии быстро увеличивается число православных приходов, как греческих, так и русских, последние состоят из беженцев из Китая и Харбина. За немногими исключениями, русские приходы подчиняются Зарубежному Синоду и их члены не только подозрительно, но даже враждебно относятся ко всем тем, кто не принадлежит к их юрисдикции.

В Сидней, в одном из греческих приходов была устроена для нас встреча между Православными и Западными христианами. В ней приняли участие греки, сирийцы и сербы, но русские отсутствовали. Перед Православной церковью в Австралии, как и в Америке, стоит большая и трудная задача преодолеть свои национальные разделения и стать Церковью своей новой Родины; но далеко еще до этой цели. Старое поколение занято своими ссорами и спорами, а молодежь уходит от Церкви, иногда присоединяясь к инославным, а чаще, теряя всякую связь с христианством.

Третья часть нашего путешествия приоткрыла нам дверь к Дальнему Востоку. Там мы приблизились к коммунистическому Китаю, который черной тучей угрожает всем своим соседям.

Филиппинские острова — единственная азиатская страна, всецело христианская. Испанцы, долго владевшие архипелагом, обратили всех жителей в свою веру. Теперь Филиппины — независимая республика Манила — огромный современный город. Мы жили в семинарии Епископальной церкви, которая обслуживает как англикан, так и независимую филиппинскую Церковь, отколовшуюся от Рима в начале XX столетия. Там мы читали лекции студентам богословам, а я проповедывал в разных церквях. До второй мировой войны в Маниле была русская церковь, но теперь нет ни священника, ни прихода.

Хонг-Конг стоит на пороге Китая. Поезд из центра города через полчаса останавливается на коммунистическом рубеже. Каждый день сотни китайцев перебегают границу, 4 миллиона их ютятся на крошечном кусочке земли, все еще принадлежащей Англии. В Хонг-Конге мы прикоснулись к христианскому Китаю. Глубокое впечатление произвел на нас обоим разговор с профессором С. Ли. Этот богослов поделился с нами своей верой в то, что Китай когда-то внесет свой вклад в сокровищницу христианской культуры. Он оказался большим знатоком православия, которое, по его словам, созвучно с истоками китайской духовности.

Рады мы были встретиться также с русским священником, отцом Дмитрием Успенским, настоятелем маленького русского прихода в Хонг-Конге. Ему уже за 80 лет, но он самоотверженно опекает свою паству. Русские церкви процветали во многих городах Китая до второй мировой войны. Харбин, Шанхай, Пекин были крупными русскими церковными центрами, но война и победа коммунизма смела все. Нам сказали, что в этом году, в Шанхае, в первый раз с начала этого века, пасхальные песнопения не оглашали православных храмов. Мы встретили в церкви новых беженцев из Харбина и из Синкьяна. Последние русские покидают Китай, и скоро не останется и следа от когда-то многочисленной русской колонии.

Сиам был последним этапом нашего пути в Европу. Это — страна буддизма. Христиане среди них — лишь незначительное меньшинство, но несмотря на это, мы были приглашены группой молодых профессоров прочесть им лекции о Православии и у нас была с ними живая беседа о буддизме и христианстве. Сам Бангкок знаменит своими пагодами с их фантастическими очертаниями, яркими красками и музыкальными колокольчиками, звенящими под дуновением ветра. Сиам наслаждается миром и изобилием плодов земных, но население его с тревогой смотрит на северо-восток, где идет жестокая война между коммунизмом и его противниками.

Ночной перелет перенес нас из тропического мансунного Бангкока в залитый осенним солнцем, знакомый и дорогой Париж. Радостно и грустно было нам снова попасть в наши скромные, намоленные храмы. Уменьшается число прихожан, старики умирают, молодежь сравнительно вяло участвует в жизни Церкви... Православие призвано к мировой миссии, нам вручено духовное богатство. Но не держим ли мы его в глиняных сосудах? Не отнимется ли оно от нас и не будет ли передано в другие, более достойные руки?

Наш путь был закончен. Четыре долгих месяца, проведенных в Океании, обострили наше сознание ответственности Православия за судьбы вселенского Христианства.

Николай Зернов.

Оксфорд.

ПАЛОМНИЧЕСТВО — ПОЕЗДКА НА СРЕДНИЙ ВОСТОК

Август-сентябрь 1965 г.

Замысел паломничества зародился уже давно, но реализовался он только в этом году. Синдесмос, объединяющий Православные Студенческие Организации, решил устроить в Ливане съезд для молодежи, а до этого для всех участников — поездку по Святым Местам.

Наша группа Р.С.Х.Д. состояла из 19 человек; с нами были о. П. Струве, К. А. Ельчанинов и Т. Б. Струве. 12 августа собрались мы в Марселе. Ехали мы на палубе греческого парохода (ту-

да — «Мэдии», а обратно — «Массалии»). Пароход оказался довольно маленьким, помещалось всего около 400 человек.

Поселились мы над трюмом, единственном месте, укрытом от солнца, но нам пришлось почти на каждой пристани все наши багажи снимать и ждать, когда окончится погрузка. С экипажем парохода у нас установились дружеские отношения, исчезли для нас все «классовые» преграды и официальные отношения. После Генуи мы своими силами вымыли наш трюмный брезент и это окончательно покорило сердце моряков.

На Первый Спас и на Успенье, несмотря на качку, отслужили литургию в салоне I-го класса.

16 августа устроили вечеринку-посиделку, пригласили почти всех пассажиров и экипаж; в программе были русские песни и народные танцы; помогали нам греки а также и одна англичанка, которая пропела ряд древнеанглийских и шотландских песен под звуки гитары.

Для осмотра Афин нам предоставили всего 12 часов. Афины полувосточный город; улочки — не пройти, ни проехать от расположенных снаружи многочисленных лотков; в столовках блюда выбираются самими клиентами на кухне; с одной стороны, беднота, с другой — современный комфорт, и рядом с этим чудо архитектурного творчества — величественный Акрополь с бело-желтыми колоннами, статуями.

Александрия, вначале, ничем не поражает: небоскребы, строящаяся автострада. Скоро возле нее появляется, на старом велосипеде, мальчуган, непрерывно что-то кричащий. Поворачиваем налево в полуразрушенный переулок, и перед нами открывается неопишуемая беднота. Нас окружает толпа, старающаяся всеми способами у иностранцев выпросить деньги. Ребята, одетые в европейские пижамы, снуют как стрижи, стремясь, в свою очередь, получить какое-нибудь подавание. Старшие настроены враждебно, а некоторые даже плевали, в знак враждебности к туристам. Пришлось нам свернуть на новые, псевдо-европейские улицы.

21 августа высаживаемся в Бейруте, там нас встречают делегаты Православного Движения Молодежи и, очутясь в настоящих постелях, а не на твердом полу, никто из нас уже не жалеет, что расстался с нашими милыми моряками.

На другой день, после литургии в Соборе, отправляемся в Иерусалим. На таможенных пунктах ждем больше двух часов, чтобы власти сообразовали пропустить наших ливанцев в Сирию или в Иорданию. Из-за этих мелочей получается большое опоздание: предвиденные остановки отменяются, ночью минуем мы Иерихон и Иордан. По пути в Иерусалим мы видели только пустыню, с двумя-тремя верблюдами, редкую седоватую зелень и снова камни и темную, полу-красную землю.

В Иерусалиме мы пробыли 4 дня. Несомненно, самым отрадным моментом была ночная литургия на гробе Господнем, служили по-гречески, с очень редкими возгласами по-славянски и по-французски; служба длинная, в особенности, утренняя. В Иерусалиме мы увидели, что русские монастыри на Святой Земле продолжают жить и даже расти. В монастырях много арабских послушниц и монахинь; здесь монашеская православная традиция живет, и даже в самых скудных монастырях светится за беднотою пламя истинных подвижников и молитвенников.

На обратном пути в Ливан состоялся прием в монастыре, где Патриарх Антиохийский проводит лето. Ночь мы провели в Дамаске, у католиков, а на следующий день поехали в Баальбек. Там находится один из крупнейших языческих архитектурных «ансамблей», производящий потрясающее впечатление своими масштабами и общей структурой храмов.

Съезд молодежи Синдесмоса был посвящен теме: «Новый человек в новом мире». На съезде было прочитано четыре доклада, после которых следовали обсуждения; занимались и изучением Св. Писания. Мы там познакомились с финнами, греками, арабами, а главное — впервые столкнулись с целыми православными странами. Впервые мы молодые видели настоящую православную деревенскую церковь, говорили с людьми, для которых это нормальное, каждодневное явление.

После съезда некоторые из нас остались в Триполи на два дня у новых знакомых. Нас угощали всякими национальными блюдами, курили мы «нарбилэ», пили кофе по-турецки.

Что же нам дало наше путешествие, помимо того, что мы увидели и поклонились Св. Местам, познакомились с рядом древнейших городов? Паломничество позволило нам познакомиться со многими нашими православными сверстниками. Там мы почувствовали с особой силой значение нашей работы Р.С.Х.Д. как по отношению ко всему православному миру, так и по отношению к России. И, наконец, самое главное — Иерусалим открылся как Св. Город, явившийся источником и Ветхого и Нового Завета. Не нужно ехать в Св. Места, чтобы укреплять колеблющуюся веру, чтобы искать материальных свидетельств, но надо ехать для проверки своей веры, чтобы заглянуть внутрь себя. Великое дело осознать свою веру, понять, что вера является источником подлинной радости, глубокой, не поверхностной радости Воскресения и бытия с Богом.

Каждый год, каждый день приносят что-то новое, но все же растем мы не плавно, а скачками. Явно, что за это лето мы совершили новый скачок.

Андрей Краевич.

ЛЕТНИЙ ЛАГЕРЬ В СЕН-ТЭОФФРЭ РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

(Июль-август 1965 г.)

Русская мудрая пословица «Не место красит человека, но человек место» полностью оправдалась нынешним летом. Действительно, хотя горный климат этого удивительного по величественной красоте уголка Франции делает пребывание в нем особенно здоровым и приятным, а экскурсионные «вылеты» особенно поэтичными и прекрасными, на этот раз дождливое лето, давшее знать себя чуть ли не на всем земном шаре, не пощадившее в значительной доле и лагерного местоположения Сен-Тэоффрэ, нисколько не отразилось на общем качестве лагеря 1965 г. Мало того, люди беспристрастные должны были сознаться, что на этот раз это был один из самых удачных лагерей, и одно это могло поселить и поселило в души всех обитателей лагеря от детей и до весьма возрастных и пожилых его насельников самые отрадные и ободряющие оптимистические настроения. К этому надо еще прибавить, что руководящий и педагогический персонал, в его корпоративном ансамбле, стяжавший себе заслуженную симпатию и известность, стоял на высоте.

Церковь была всегда переполнена и, что самое главное, говел и причащался буквально весь лагерь во все воскресные и праздничные дни. В лагере набралось достаточное количество мужских и женских голосов, из которых составил, по примеру прошлых лет, весьма спевшийся хор, руководимый вначале А. Жабченко, затем А. В. Циолковичем, музыкальным регентом, человеком с знанием дела в своей области.

Молодые люди, как отроческого, так и студенческого возраста, обнаружили необычайно повышенные литературно-художественные и научно-философские интересы, по каковой причине, некоторые лекторы читали значительно более того, что полагалось по программе и по учебному плану. Разумеется, это могло их только обрадовать и вдохновить на дальнейшее. Здесь следует отметить на поставленный Т. А. Лодыженской вечер памяти Некрасова, очень удачный как по выбору произведений великого русского поэта, так и по сценической их постановке. Вступительную лекцию читал проф. В. Н. Ильин, который также и декламировал.

Следует признать блестяще удавшимися разнообразно представленными олимпийские игры.

Словом, дефекты погоды были с избытком покрыты, и мы уверены, что этот лагерь у многих, если не у всех, оставит самое лучшее воспоминание. В заключение, нельзя не поблагодарить руководителей за их работу.

Т. З.

ПРИСУЖДЕНИЕ ПОЧЕТНЫХ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ ОТЦУ ГЕОРГИЮ ФЛОРОВСКОМУ

Митрофорный протоиерей, доктор богословия отец Георгий Флоровский, признан одним из крупнейших ученых, как в Американских Соединенных Штатах, так и в Европе с присуждением ему высших ученых степеней тремя высшими научными учреждениями.

11 мая 1965 г. о. Георгий Флоровский был избран членом Американской Академии Наук и Искусств, — самого старинного научного учреждения в этой стране. Эта Академия была основана в 1780 году и из лона ее вышли многие знаменитые люди Америки. Выборы кандидатов и присуждение степеней производятся членами Академии. В Уставе указано, что члены могут быть избираемы из среды постоянных жителей Соединенных Штатов, выдающихся своими изобретениями или иными достижениями, а именно: в области математики, физики, биологии, искусств, а также в области социальных и гуманитарных наук.

Выборы происходят на ежегодном собрании. Отец Георгий Флоровский был избран по разряду Гуманитарных Наук Философского и Богословского факультетов. Академия, находящаяся в Бруклине, Масс., в настоящее время насчитывает около 2 000 членов и около 300 иностранных почетных членов.

4 июня Афинская Академия — высшее научное учреждение Греции — избрала трех новых членов: отца Георгия Флоровского, доктора Альберта Швейцера и кардинала Беа.

В течение того же месяца отец Флоровский был избран членом Брюссельской Международной Академии Религиозных Наук. Академия посвящает свои занятия изучению экуменизма.

В прошлом году отец Георгий Флоровский получил следующие почетные степени: в 1937 г. — доктора Богословия Шотландского Университета в Сент-Андрю; в 1950 г. — доктора Богословия Бостонского Университета, в 1959 г. — доктора Богословия Аристотелевского Фессалоникского Университета в Греции.